

Люмпен

Автор:

Евгений Прядеев

Люмпен

Евгений Прядеев

Вы верите в справедливость? А в то, что убийца может оказаться хорошим человеком? Почему же тогда я должен в это поверить?

Сын главы влиятельного клана не только избежал наказания за массовое убийство, но ещё и сам решил стать блюстителем порядка! Это за гранью добра и зла, и не должно оставаться безнаказанным!

Вот только этот отпрыск богатенького папы может стать для меня билетом в новую жизнь, поэтому давайте посмотрим, зачем он к нам пришёл...

Расстрелять всегда успеем...

Евгений Прядеев

Люмпен

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными людьми, нелюдьми, а также тварями, считающими себя людьми, абсолютно случайны. Аналогии

Глава 1

Я проснулся от лая собаки.

Соседский «кавказец» работал лучше любого будильника, оповещая половину подъезда, что солнышко уже встало, а значит ему жизненно необходимо прогуляться на улицу по своим собачьим делам. Вот только почему об этом должны знать все окружающие, лично мне было совершенно непонятно.

Я натянул одеяло на голову, надеясь урвать ещё хотя бы несколько минут утреннего сна, но Володя никак не успокаивался. Теперь собака не только гавкала, но и долбилась в тонкую деревянную дверь. Можно было, конечно, предположить, что умный пес делал это лапой, решив наплевать на хозяев и совершить прогулку в гордом одиночестве, но мне почему-то казалось, что Володя делает это именно мордой.

Кавказец был невыносимо упрям, хотя на фоне людей, с которыми он жил в одной комнате, вполне мог бы посоперничать за звание самого умного жителя нашей квартиры. И звали его не Володя, а Вольдемар, но буквально через два дня после переезда в эти хоромы, я решил, что четвероногому другу человеческое имя подойдёт гораздо больше, чем его хозяину.

Надо сказать, что все обитатели сорока двух метров обычной квартиры в панельной пятиэтажке оказались существами крайне неординарными. Мои соседи подвиды «*homo sapiens*» Владимир с Ингой были людьми неопределенного возраста в диапазоне от сорока до шестидесяти лет из породы непризнанных гениев – он художник, она певица.

Скатившееся к самому дну культурного и морального упадка человечество не сумело разглядеть божью искру в этих неординарных личностях, поэтому, например, Инга работала продавщицей в магазине мяса. Владимир, судя по всему, умел устраиваться в жизни лучше жены, поэтому официально нигде не трудился, а просто целыми днями пил пиво и делал вид, что ваяет картины. Не буду, конечно, утверждать со стопроцентной уверенностью, но если бы я употреблял алкоголь в таких количествах, то, наверное, тоже обязательно что-

нибудь сотворил.

Раньше уважаемые супруги жили в этой двухкомнатной квартире условно втроем вместе с матерью Инги. Условно, потому что на этой жилплощади, хоть и не были прописаны, проживали и продолжают проживать собака «кавказец», кошка породы «блехастик помойный» и пиранья.

Вы не знаете, кто такая пиранья? О, я вам сейчас расскажу!

Это небольшая серебристая рыбка сантиметров тридцать в длину с крупными глазами и огромными зубами. А ещё эта тварь плотоядна. Я вообще читал в старых книгах, что пираньи жили в реках и стаями не боялись нападать даже на людей и крупных животных, мгновенно обгладывая их до белых косточек. По крайней мере, превратить чей-то труп в скелет не представляет для них особенно большой проблемы. Не знаю, насколько эта информация соответствует действительности, но и желания проверить никогда не возникало.

Хотя, процесс кормления этой гадины один раз я наблюдал воочию, и оказалось, что мои соседи действительно покупают живую рыбу, дабы попотчевать своё страшилище.

Ну так вот, жили Володя с Ингой припеваючи, жаловались друг другу на падение нравов, пока мама не устала от их творческих мук и не оставила этот мир. Не буду сейчас рассуждать на тему родственной любви, но я почему-то уверен, что первой эмоцией творческой интеллигенции была радость от появления дополнительной жилплощади. Наверняка, они даже планировали оборудовать в этой комнате мастерскую для Владимира или студию звукозаписи для Инги, но жизнь подкинула супругам новые сюрпризы.

На сцене появилась сестра Инги по имени Катя, которая никаких комплексов по поводу собственной исключительности не испытывала, имела стабильную работу, законного мужа и пару детей в придачу. А ещё Катерина умела считать деньги, поэтому достаточно быстро решила вопрос с наследством, разделила квартиру и начала сдавать комнату. Ту самую, которую отсудила при дележке имущества.

«Родственные связи – это конечно хорошо», – справедливо рассудила она, – «но и копейка лишней не бывает».

Супругам из числа творческой интеллигенции данный расклад совсем не понравился, поэтому до меня в квартире успело побывать целых шестеро жильцов. Все, по словам Катерины, жили недолго и почему-то съезжали.

– Прямо-таки, полтергейст какой-то! – сокрушалась Катерина. – И что их не устраивает?

Не могу утверждать точно, но парочка версий у меня имелась... Возможно, во всём виноват регулярный запах помоев, который распространялся по всему жилищу в процессе приготовления пищи для Вольдемара, а, возможно, причиной стала кошка, норовившая нагадить не только в каждые ботинки, стоявшие в прихожей, но и вообще на любые вещи в зоне ее видимости...

Однако Инга с Володей ни в чем не признавались и лишь ехидно улыбались очередному соседу, съезжавшему буквально через пару месяцев после заселения.

Вполне допускаю мысль, что они искренне надеялись на признание Катериной своего поражения, которая поднимет лапки вверх, затем плюнет и скажет: «Да и ладно, живите в квартире, как хотите, мне ничего не надо!»

Но не тут-то было, сестра Инги так просто сдаваться не собиралась. Она продолжала методично искать жильцов на свою жилплощадь, надеясь, что когда-нибудь найдётся дурак, способный смириться с её творческими родственниками.

Как вы уже поняли, этим самым дураком оказался я.

Нет, не то, чтобы я всю жизнь мечтал жить рядом с такими замечательными людьми, а также их кошкой, собакой и рыбкой, но плюсы этой комнаты в моих глазах значительно перевешивали все минусы. От работы недалеко – это раз. Район из старых, а значит благоустроенный – это два. В-третьих, немаловажный момент, относительно недорого. Ну и самое главное для меня, пускай комната, может быть, не самая большая, но у меня есть отдельное жильё.

С запахом прекрасно борется открытое окно, обувь и верхнюю одежду я храню в комнате, так что плевать с высокой колокольни на все косые взгляды соседней. Я

даже кухней не пользовался, предпочитая обходиться кофе и бутербродами. Супчика можно и в столовой на работе похлевать, а в мини-холодильник, что Катерина с барского плеча приобрела по моей просьбе, кастрюля всё равно не влезет.

Для человека, который в детстве не имел даже собственного стула, момент, я вам скажу, принципиальный. Так то я вырос в крохотном посёлке, и даже если в моей семье был достаток, то мне его родители никогда не демонстрировали. Впрочем, я их не осуждаю, времена были веселые, а мои предки жили так, как умели. Просто я воспользовался первой же возможностью, чтобы свалить из отчего дома, поэтому сначала хорошенько взвесил все свои возможности и перспективы, а затем поступил в столичный Институт Правопорядка.

Все четыре года учебы я с остервенением грыз гранит науки, стачивая в кровь не только коренные зубы, но и десны, однако навязчивая идея не возвращаться на малую родину придавала мне сил, когда казалось, что их уже совсем не осталось. Погоны лейтенанта и свободное распределение как бонус к золотой медали по итогам образования позволили мне не уезжать куда-то в глухомань, а остаться служить в столице нашей родины – Большереченске.

Володя, тот, который пёс, снова зашелся в истошном лае. За стенкой послышалась возня, невнятное бурчание, а еще через минуту я услышал, как Инга, негромко матерясь сквозь зубы, потащила «кавказца» на прогулку. Весьма грамотное решение. Однажды соседи что-то с размахом отмечали и не сумели заставить себя проснуться для утреннего выгула животного. Расплата наступила очень быстро.

Дело было в воскресенье. Я собирался заняться личной жизнью, поэтому к девяти утра уже успел принять душ и спокойно наслаждался у себя в комнате чашкой кофе, пока ещё даже не подозревая, свидетелем чего мне придется стать через считанные минуты.

Истошный рёв и оглушительный визг, раздавшиеся из-за стенки, были настолько неожиданные, что я чудом не расплескал бодрящий напиток на новенькие джинсы. Заковыристые матерные выражения, раздавшиеся следом, заставили заинтересоваться происходящим, поэтому я нацепил на физиономию самое серьезное выражение лица, на которое только был способен, и решительно вышел в коридор.

Как оказалось, хмурил брови я абсолютно зря. Узнав подробности, я непроизвольно начал хохотать и не мог успокоиться очень долго, несмотря на заверения супругов, что ничего смешного они в произошедшем не видят.

Как оказалось, умный пёс поскулил несколько минут, поскребся в дверь, потом попытался стащить с хозяев одеяло, но быстро осознал, что судьба его мочевого пузыря широкой общественности неинтересна. Обматерив на собачьем языке судьбу, которая послала ему столь нерадивых владельцев, «кавказец» решил раз и навсегда пресечь подобный игнор своих насущных потребностей.

Володя взобрался на диван, прицелился, поднатужился и мощным потоком окатил лица творческой интеллигенции. Судя по всему, в этот момент супругам приснился Титаник, который стремительно идет ко дну, а их спасти никто не собирается, но своей цели пёс добился. Теперь его требования о прогулке исполнялись незамедлительно, что, естественно, не могло не радовать четвероногого красавца.

Входная дверь хлопнула, и я заставил себя встать с дивана.

Обои, что ли, переклеить? Подобные глупые мысли посещают меня с периодичностью раз в месяц, потом я вспоминаю, что жилье не мое и начинаю мечтать об отдельной собственной квартире. Когда-нибудь я сумею накопить на первоначальный взнос и тогда мне обязательно дадут кредит в банке!

Мечты греют меня уже второй год, а пока я снимаю вот эти пятнадцать квадратных метров с одним небольшим пластиковым окном и желто-коричневыми обоями. На полу салатный ковролин и желание узнать поподробнее, что же именно находится под ним, пропало еще год назад. Как раз тогда краешек оторвался, и когда я его приделать на место пытался, то сразу понял, что в бетонной стяжке нет ничего интересного.

Убрал белье в ящик дивана, на котором я спал, сложил сам диван, и в комнате даже стало казаться просторно. Одежный шкаф, журнальный столик, небольшой холодильник и чайник на нем. Вот и всё моё богатство.

Хотя опять я себя обманываю. Из всего перечисленного мой только чайник, его действительно я покупал, а остальное прилагается к договору аренды. Ну ничего, у меня вся жизнь впереди, какие мои годы!

Пока часть местных жителей отсутствует, можно заняться гигиеническими процедурами. Щелкнув щеколдой, я убедился, что коридор чист и направился в санузел. Засов на дверь пришлось повесить практически в первый день после заселения, когда жизнерадостный Вольдемар по-хозяйски распахнул её мордой после прогулки и грязными лапами испачкал неубранную постель. Ругаться я тогда не решился, но выводы для себя сделал.

Привычно проверив наличие кошачьих какашек перед унитазом и отсутствие тараканов в раковине, я принял душ и успел скрыться в комнате до возвращения Инги с собакой.

Пара глотков растворимого кофе, кусок хлеба с сыром и всё. Я готов к трудовым подвигам!

Улица встретила меня теплым майским воздухом и ярким солнышком. Половина восьмого утра. Самое время, чтобы неторопливым шагом прогуляться до работы. Если гулять, то ходу от двери до двери минут двадцать, если сильно торопиться, то и в семь уложиться можно. Это же сказка, а не жизнь.

Большинство моих коллег добирается до Управления больше часа, а то и все два. И пускай они живут в благоустроенных отдельных квартирах, я пока не вижу особых поводов им завидовать. Служба правопорядка славится ненормированным графиком работы, а в Центральном Управлении о регламенте времени, казалось, и вовсе не слышали, так что иногда мне казалось, что мои соседи по кабинету успевают только доехать до дома, поменять нижнее белье и сразу же едут обратно.

Двадцатиэтажное круглое здание за железным забором в народе называют «скороваркой». Между прочим, одно из немногих в округе, сложенное полностью из кирпича. Так-то, в основном, дома собирают из панелей. Деревянные особняки по карману единицам, а кирпичных жилых зданий просто не существует, ибо очень дорого. Кирпич выпускает всего один завод в Республике, но для Службы Правопорядка все-таки расстарались.

Что до «скороварки», то, правды ради, круглая кровля действительно чем-то смахивает на крышку кастрюли, но можно было, наверное, подобрать и более солидное название для дома, где квартирует столь солидное учреждение. Все-таки, мы единственная правоохранительная структура. Нет уважения к

труженикам чистого воздуха, ассенизаторам общества, с...

Так, стоять, меня явно заносит!

Кивнув постовому на входе, я подхожу к зоне контроля. Встаю перед зрачком видеокамеры, пять секунд ожидания и вперёд, навстречу трудовым будням!

Вот только дойти до кабинета в это утро мне было не суждено. Навстречу по лестнице буквально летел мой сосед и коллега Валера Пельмень. Нет, не подумайте плохого, фамилия Валерика была нормальной – Пельменев, просто видимо она всё-таки наложила на него какой-то отпечаток, отчего он и сам любил полуфабрикаты, да и внешне очень сильно напоминал разваренное тесто. Передвигался мой сослуживец всегда неторопливо и крайне степенно, запрокинув голову назад, так что многие молодые сотрудники даже путали его с кем-то из генералов, но старшего лейтенанта данный факт нисколько не смущал.

Так что теперь представьте мою крайнюю степень изумления, когда я увидел, что Пельмень способен не просто бегать по ступенькам, а практически парить над ними.

– Что ты застыл? – заорал мне в лицо Валерик, с трудом затормозив в шаге от меня. – У нас ЧП!!! Массовое убийство с применением силы! Получай оружие и защиту!

«Ох...ть! Оп...ть! Твою...ть! Ох...ть!» – пронеслись в моей голове самые конструктивные из всех возможных мыслей, и я автоматически мелкой рысью двинулся за коллегой в сторону оружейки.

В висках запульсировало страшное предчувствие.

«Война!!!»

Если сказанное Пельменем правда, то других объяснений быть не может. Применение силы для массового убийства может означать только одно. Кто-то из Знати съехал с катушек, а значит в ближайшее время ожидается множество трупов.

Пульсация в висках становилась всё быстрее, поэтому все дальнейшие действия я выполнял как будто в тумане. Беру со стеллажа бронежилет, напяливаю на голову каску, беру из ячейки с моей фамилией автомат и подсумок с магазинами.

Война! Война! Война!

Мне двадцать четыре года, я, Руслан Калмыков, лейтенант службы Правопорядка, ещё слишком молод и не готов умирать, тем более из-за войны, которая началась непонятно по какой причине.

Уже сидя в микроавтобусе, мне пришла в голову здравая мысль, что первыми в район боевых действий должен выезжать спецназ, но рядом со мной рассаживались только коллеги из отдела расследований. Зорин Кирилл, капитан, старший опер, постоянно улыбающийся блондин, обожающий обсуждать способы накачки мышц и правильное питание. Серега Столетов, еще один капитан, сидящий в кабинете напротив меня. Несмотря на маленький рост и не особо широкие плечи, он считался опытным сотрудником и не стеснялся делиться знаниями, когда я только пришел в подразделение. К нему можно было обратиться с любой просьбой или вопросом, не боясь наткнуться на отказ.

Пельмень, Зуич, Коршун, Стас, Алексей... Короче, здесь были все наши из отдела.

Стало полегче... Когда не один, то всегда жить как-то проще... Лица остальных ребят были спокойными и сосредоточенными, поэтому чтобы не показывать им своего страха, я отвернулся к окну и начал преувеличенно внимательно рассматривать, что же там происходит. А в голове уже всплывали рассказы о Великой войне...

Вообще-то Великой эту войну называла только моя прабабушка. С тех пор прошло больше ста лет, поэтому и баба Тамара рассказывала мне не то, что видела сама, а лишь услышанное ей от родителей. Школ, как я понял, тогда еще не существовало.

В официальных учебниках истории конец двадцать первого века обозначается как время «Межгосударственного ядерного конфликта». Помню, как впервые услышал этот термин в пятом классе и очень смеялся, когда моя одноклассница

Леночка не сумела выговорить словосочетание с первой попытки. Впрочем, со второй у неё это тоже не получилось.

Как бы там ни было, но каждый ребёнок в Республике знал, что раньше, когда-то очень давно, на планете существовало множество независимых государств и правители некоторых из них владели ядерным оружием. В какой момент и по какой причине его всё-таки решили применить, лично для меня до сих пор остаётся загадкой. Последствия были предсказуемы – погибли миллиарды, с лица земли оказались стёрты почти все крупные города, а выжить сумели лишь миллионы в убежищах и отдаленных районах планеты.

Кроме того, от таких глобальных катаклизмов начались тектонические сдвиги и прежние очертания континентов остались лишь на древних географических картах. Я как-то рассматривал такую в учебнике и не нашёл ничего общего с современным миром. Даже прежние названия сохранили лишь считанные единицы...

Например, примерно в том месте, где мы сейчас живем, был центр огромного материка со странным названием Евразия. Нет, Азия понятно, а вот загадочная приставка Евр? Европа? В Сети было какое-то упоминание о том, что так назывался регион на западе материка, но какие страны именно туда входили, я не разобрался. Да и не очень-то, собственно, хотелось, всё равно на этом месте сейчас океан.

За исключением десятка крупных островов, как наша Русь, никаких других континентов не существовало. На старой карте я видел, что раньше земли над поверхностью воды было гораздо больше, люди пытались селиться даже в районе полюсов, несмотря на дичайшие морозы, а сейчас везде лишь бескрайняя океанская гладь.

Впрочем, количество жителей Земли сейчас на порядок меньше, чем когда-то в глубокой древности. Раньше, говорят, речь шла о нескольких миллиардах, а сейчас в лучшем случае сотни миллионов. Нас миллионов восемьдесят, американцев столько же, ну и плюс китайцы бьют рекорды рождаемости. Их численность, если верить новостям, давно перевалила за двести миллионов, из-за чего периодически вспыхивают локальные конфликты с японцами. Жизненное пространство нужно всем...

Вот только тогда, сразу после ядерных взрывов, про жизненное пространство никто не думал. Если верить моей бабушке, то тогда было темно, холодно и голодно. Люди мечтали выжить, но никто не знал как. Пожары сгубили дома, выживших убивали мародеры, в мире воцарился хаос...

И тогда появилась Знать – люди с даром, которые смогли спасти планету и дали надежду немногим выжившим на то, что завтра всё-таки наступит. Конечно, Знатью их в тот момент никто называть и не думал. Герои, Защитники, Спасители... У амеров так вообще попытались создать новую религию, объявив богом мужика, умевшего повелевать ветром и разогнавшего облака ядерной пыли над целым штатом.

Правды ради были и те, кто считал, что люди с даром были всегда и вообще апокалипсис случился из-за них, но...

– На выход! – микроавтобус затормозил так резко, что я едва не разбил себе лицо о спинку кресла впереди меня. Лишние мысли моментально выветрились из головы, я сжал автомат покрепче, готовясь встретить свой последний бой. Мы высыпали на улицу, как горох, и разбежались в разные стороны, постоянно оглядываясь друг на друга. Что в такой ситуации надо делать, никто из нас пока даже не мог представить.

Площадь Знаменских не была в столице самой большой, да и располагалась достаточно далеко от центра. Просто квадрат сто на сто метров, выложенный гранитными плитами, и окруженный типовыми жилыми домами и бизнес-центрами.

Сама площадь была пешеходной, но к ней вело несколько улиц с автомобильным движением и столько же переулков для прогулок на своих двоих. Обычно здесь всегда достаточно многолюдно. В будни люди спешат на работу, навещают по делам в бизнес-центры, в выходные много гуляющих с детьми и животными. Район здесь тихий, опять же недалеко большой парк с аттракционами, однако сейчас тротуары были пусты, а все машины припаркованы вдоль обочин.

От Управления до площади было буквально пять минут езды, поэтому кроме двух патрульных машин на площади пока никого из наших коллег не было. Вообще-то, массовое убийство с применением силы – это ЧП государственного

масштаба. Надо поднимать Гвардию, вводить в город тяжелую технику, эвакуировать людей.

Я присел за массивной каменной вазой для цветов и аккуратно посмотрел в ту сторону, откуда скорей всего стоило ждать опасности. В бронежилете и каске было жарко и очень неудобно, пот, стекавший с головы, мешал сфокусировать взгляд, но я отчаянно вглядывался в место развернувшейся трагедии.

Не знаю, что именно я рассчитывал увидеть, но картина, открывшаяся моим глазам, пока не очень отвечала ожиданиям. Метрах в шестидесяти от меня на гранитных плитах лежало шесть тел. Над одним из них, почему мне казалось, что женским, склонился парень и застыл не двигаясь. Такое ощущение, что его парализовало, хотя мне и было понятно, что это лишь иллюзия.

Как же жарко! Разглядеть подробности получалось плохо, но я не видел у лежащих на площади ранений или хотя бы пятен крови на одежде. Если бы не крайне неестественные позы, то вообще можно было бы предположить, что молодые люди просто прилегли отдохнуть. Или участвуют в каком-нибудь представлении, недавно на совещании говорили, что некоторые организации устраивают такие для привлечения внимания.

Еще раз вытерев стекающий на лицо пот, я вгляделся и понял, что именно смущало меня в развернувшейся картине. Вмятины на гранитных плитах. Мелкая крошка вокруг них создавала впечатление, будто бы кто-то бил по площади огромным кулаком или молотом.

Через секунду до меня дошло, что били телами лежащих неподвижно людей. Пять юношей и одна девушка. Их всех убили! За что?

Судя по всему, именно склонившийся силуэт и принадлежал тому самому человеку, из-за которого прекрасное майское утро полетело в тартарары... Одаренный! Убийца, использовавший для преступления силу, полученную им при рождении.

Если честно, людей с Даром я до этого как-то не встречал. Нет, понятное дело, мне известно, что они существуют. Периодически их показывают по телевизору, про них снимают фильмы и сериалы, но проза жизни заключается в том, что после того самого апокалипсиса и помощи человечеству в восстановлении хоть

какой-то цивилизованной жизни, Знать отдалилась от людей и начала жить в параллельной вселенной.

По крайней мере, для меня все представлялось именно так. Люди с Даром не стремились захватывать власть, чаще всего их интересовали лишь сферы большого бизнеса и зарабатывания несусветных сумм денег, а в обычной повседневности встретить их было практически нереально.

Впрочем, это как раз и понятно. Президента нашей Республики я тоже только по телевизору видел, а он точно существует. Я же за него голосовал!

В этот момент я увидел, как парень, склонившийся над неподвижными телами, пошевелился и начал вставать, и сразу же справа от меня раздался громкий крик майора Веденеева, начальника нашего отдела:

– А ну не дергайся! Ляг на землю и сцени руки за головой, иначе стреляю на поражение!

Парень выпрямился и посмотрел в нашу сторону спокойным взглядом, как будто стоять под прицелом десяти автоматов для него было каждодневной рутинной.

«Где же спецназ?» – с тоской подумал я. А вдруг у него действительно поехала крыша и он сейчас начнет крушить всё в округе? Вообще-то, физиологически люди с Даром от обычных ничем не отличались, и умирали от пулевых ранений точно также, как и обычные, но вдруг существуют нюансы.

Я однажды видел в каком-то фильме, что сын главного героя, который умел повелевать огнем в момент смерти взорвался. Там еще говорилось, что так случилось, потому что энергия внутри человека с Даром нашла выход наружу.

Понятное дело, что не всегда можно верить тому, что видишь в Сети, но вдруг это правда?

Парень покрутил головой по сторонам, как будто прикидывая, с какого здания лучше начать глобальные разрушения, а затем вдруг улыбнулся. Нет, у него явно поехала крыша. Чему он сейчас улыбается? Ждет смерти? Он явно что-то задумал! Где же спецназ?

Словно отвечая мне, с противоположной стороны площади раздался визг тормозов, и я увидел два затормозивших броневика спецназа Службы Правопорядка. Одетые в черные комбинезоны бойцы шустро и слаженно разбежались в разные стороны от автомобилей, а приободрившийся Веденеев крикнул еще раз одаренному.

– Сдавайся! Ты окружен!

Стоящий посреди трупов молодой человек посмотрел на спецназ, а потом снова повернулся в нашу сторону. Меня поразило, что он по-прежнему выглядел абсолютно спокойным, я бы даже сказал, умиротворенным. Подобное выражение лица я видел у самоубийцы, которого в прошлом году битый час уговаривал не прыгать с крыши, но он все равно сделал шаг в пустоту.

Уверенность в правильности того, что ты делаешь и отрешенность от действительности. Нет, человек с таким лицом не может быть нормальным. Он же только что убил шестерых! Пристрелить его и вся недолга! Интересно, а здания вокруг эвакуировали?

В этот момент, неизвестный нам парень поднял вверх руки и громко крикнул:

– Ну что вы все замерли? Пончики, я не кусаюсь! Кто-нибудь, наконец, меня арестует?

Глава 2

Вот же урод! Пончики...

Я больше, чем уверен, что этот наглец в курсе, как все сотрудники Службы Правопорядка ненавидят это прозвище. Такое ощущение, что он специально провоцирует нас на применение силы... Урод!

Первым начальником Службы Правопорядка был назначен замечательный человек, хороший руководитель и непримиримый борец с преступностью, но, к сожалению, обладатель крайне негероической фамилии.

Генерал Пончиков!

Конечно, Титанов или Огнев звучало бы гораздо внушительнее. Защищать как титан! Выжигать заразу огнём! Короче, прошло больше ста лет, а отголоски того назначения чувствуются до сих пор. Кроме того, по рассказам, практически сразу после назначения у кого-то хватило мозгов напечатать на баннере социальной рекламы слоган «Правопорядок – основа нашего честного и красивого будущего!»

Согласен, призыв так себе. Говорят, что, когда сам Пончиков это увидел, он чуть ли не из табельного пистолета баннер расстрелял. Правда или нет, я не знаю. Сам я в эту историю не особо верю, всё-таки не дело генералу на улицах оружием размахивать, но легенда появилась задолго до моего рождения, а значит не мне утверждать, что это выдумки.

Как бы там не было, но преступники всех мастей уже больше ста лет называют всех сотрудников Службы Правопорядка «пончиками». Учитывая, что мы единственная правоохранительная структура в Республике, подобное прозвище выглядит особенно обидным, хотя в Академии нас успокаивали и говорили, что пустое сотрясение воздуха – это единственная возможность преступного элемента на поддержание самооценки.

Но стоящий посреди площади молодой человек, судя по всему, искал проблем на одно место. Он явно осознавал, что произносимые им слова нам не понравятся, и всё равно самодовольно улыбался, оглядываясь по сторонам, а затем потряс поднятыми вверх руками и крикнул еще раз:

- Ну что, пончики? Мне ещё долго ждать?

Я услышал, как грязно выругался мой начальник отдела, а затем увидел, что к центру площади бегут спецназовцы.

- Зуев, Столетов! – рявкнул Веденеев. – Оформляйте этого придурка и никого к нему близко не подпускайте! Михневич, вызывай экспертов! Зорин, Калмыков, Пельменев! Обойдите всё вокруг! Мне нужны свидетели и записи с камер видеонаблюдения! Быстро, быстро! Пока начальство не появилось!

Я посмотрел, как спецназ лихо заламывает руки неизвестному парню, а затем почувствовал толчок в бок.

– Рус, ну ты чего застыл? Работать надо! Иними ты этот скафандр!

День заканчивался также, как и начался. Суетно и тревожно.

Мы привезли в Управление записи с десятка камер видеонаблюдения и показания, как минимум, тридцати человек, которые видели происшествие с разных мест, преимущественно из окон зданий, выходящих на площадь. Причем самым удивительным открытием за день лично для меня стали личности владельцев одного из зданий, расположенных на площади.

Семья Семицветовых...

Не то, чтобы я, услышав фамилию, сразу же начал понимающе кивать головой и произносить что-то из серии «Ах да! Ну, конечно же!», но мне очень быстро объяснили, что к чему. Семицветовы были Знатью и владели самым крупным в Республике агрохолдингом.

Чуть позже до меня дошло, что почти половина продуктов в магазинах была результатом их производства. Гречка и рис под названием «Семь цветов», овощи «Цвета жизни», линейка молочной продукции «Радуга», хлеб, конфеты, растительное масло и многое многое другое.

Про Знать, правда, мне объяснил Пельмень и очень удивлялся, что я не в курсе столь обыденных вещей. Такое ощущение, что мне больше заняться нечем, только фамилии бизнес-воротил учить. Есть продукты в магазине и ладушки, а остальное мне не очень-то и интересно. Тем более, и гречка у них не самая дешевая, я обычно её не покупаю.

Но вот следующее открытие стало для меня не удивительным, а просто шокирующим. Среди погибших площади перед бизнес-центром оказались дети главы семейства, Петра Александровича Семицветова, а именно сын и дочь. Вот это уже была проблема вселенского масштаба.

Задержанного к тому времени уже увезли в Управление, начальство тоже собиралось разъезжаться, когда, минуя все кордоны, на площадь въехал новенький блестящий автомобиль фирмы «Забр». В принципе, «Завод братьев Разумовских» производил почти все легковые машины на острове, в отличие от грузовых, которые собирали на севере Республики в городе Каменск. У них там вообще с названиями не заморачивались. Город Каменск, стоит на реке Кама, а градообразующее предприятие автозавод «Камаз». Врать не буду, но где-то слышал, что владеет этим предприятием семья Каменевых. Но скорей всего неправда, иначе совсем чушь получается.

Но это я отвлекся, а вот в тот момент все с удивлением уставились на блестящее и наглухо тонированное чудо отечественного автопрома, из недр которого появился не особо старый мужчина. Не обращая ни на кого внимания, он подошел к распростертым на площади телам, внимательно посмотрел на них, вздохнул и вернулся обратно к автомобилю. Дверца машины бесшумно закрылась, и «Забр» уехал, оставив после себя седого мужчину в строгом деловом костюме бежевого цвета.

Как оказалось, это был адвокат семьи Семицветовых, вернее, один из адвокатов. Он и рассказал всем присутствующим, кто только что посетил место преступления, а также помог установить личности погибших.

Судя по неловким взглядам, которые генералы кидали друг на друга, глупый вопрос, как гражданский мог проехать через все кордоны, а затем молча уехать по своим делам возник не только не у меня, но произносить его вслух никто не решился. Ситуация необычная, да и поведение господина Семицветова тоже вызывает определенные вопросы. У него родные дети только что погибли, а он не проронил ни словечка.

Такое ощущение, что у него количество отпрысков десятками измеряется, поэтому двое погибших – потеря не критическая. Озвучивать свои мысли я, естественно, никому не стал, но зарубочку для себя сделал. Надо будет потом поинтересоваться, может быть у Знати так принято? Хотя, если верить фильмам, которые я смотрел, то отец сейчас должен собрать всех своих родственников и произнести какую-нибудь пафосную речь, наподобие «Мне нанесена кровная обида, поэтому я обязан отомстить!»

Однако, здание Управления никто штурмовать не собирался, а задержанный спокойно сидел в допросной. Если бы не караул из числа спецназовцев в полном

облачении возле дверей, то можно было бы подумать, что ничего экстраординарного сегодня и не произошло.

Но совещание, на которое собрал нас Веденеев, показало всю серьезность сложившейся ситуации.

– Все шестеро погибших на площади принадлежат к Знати, – суровым взглядом пробежался по нашим лицам начальник отдела. – Двое из них – дети господина Семицветова, Юля и Павел, остальные – их сокурсники по университету. У нас в допросной сидит Роман Сечкин, сын того самого Сечкина.

– Да ладно, – не выдержал Зуич. – И до сих пор адвокаты не прискакали? Они что, пока не знают, что он задержан?

– В курсе, – вздохнул Веденеев. – Но я и сам до конца не понимаю, что происходит. Мне звонил начальник управления и просил не пороть горячку. У нас приказ провести тщательное расследование, однако отсутствие армии заступников мне тоже не нравится. Плюс еще этот Сечкин сидит в допросной с таким видом, как будто подвиг совершил и ему вот-вот должны медаль от Президента принести.

– Вечно у этой Знати всё через одно место, – пробурчал Столетов. – Не могли разборку где-нибудь за городом устроить? Замучаемся теперь бумагу портить, пока с этими придурками разберемся, а у меня еще шесть дел в производстве.

– А вы записи с камер видеонаблюдения видели? – встрял в разговор Пельмень. – Там вообще ничего непонятно. Стоят, разговаривают. Потом девчонка падает, а следом начинают взлетать и падать все остальные. Причем некоторые по несколько раз. Но на видео нельзя точно разобрать, кто и что делает. Сечкин вообще, такое ощущение, что просто наблюдал со стороны за происходящим... Кто начал конфликт, из-за чего? Ничего непонятно!

– Насколько же просто с обычными преступниками, – вставил реплику кто-то из ребят. – Этот достал пистолет, а этот не достал. Все понятно, этот плохой, а этот хороший.

– А ну тихо все! – легонько хлопнул по столу Веденеев. – Что вы разгалделись, как на рынке! Что говорит подозреваемый?

– Ничего не говорит, – пожал плечами Зорин. – Утверждает, что сдался нам, потому что опасается за свою жизнь.

– Бред какой-то, – поморщился Веденеев. – Он объяснил, зачем убил этих шестерых?

– Нет, – Зорин неопределенно повертел головой, как будто у него затекла шея. – На эту тему он говорить отказывается, только улыбается, как дурачок и всё.

– Что значит отказывается? – не понял начальник отдела. – Ему смертная казнь грозит! Ни один папа отмазать не сможет от убийства шести человек, еще и из числа Знати.

– Может быть, у них это так принято? – осторожно предположил Пельмень.

Я вообще молчал, понимая, что весь мой предыдущий жизненный опыт не сможет помочь разобраться в сложившейся ситуации. До сегодняшнего дня я вообще не слышал, чтобы кто-то из Знати становился подозреваемым в убийстве. Их вроде как даже никогда не арестовали.

Лица, владеющие даром жили в параллельной вселенной, практически не пересекаясь с обыкновенными жителями Республики. Максимум, о котором я слышал, это загулы пьяной молодежи, которые заканчивались в ближайшем отделении только в том случае, если правонарушитель перебарщивал со спиртным настолько, что терял сознание от перепоя.

Последняя попытка задержать представителя Знати была пятнадцатилетней давности и закончилась сожжённым патрульным автомобилем. Сотрудники правопорядка, правда, тоже не стали церемониться, а просто изрешетили начинающего волшебника из двух автоматов. Самое интересное, что ни руководство, ни родственники погибшего не имели к сотрудникам правопорядка никаких претензий. Применение магии в пределах населенных пунктов разрешалось только в целях самозащиты в случае угрозы жизни, все другие варианты играли не в пользу людей с Даром.

Причем, насколько я помню из курса юридических дисциплин, подобное положение дел стало результатом инициативы, которую выдвинули главы

семейств Знати. А произошло это, если мне не изменяет память, более полувека назад после попытки вооруженного переворота в Республике.

Семья Ревеньковых, обеспечивающая добычу газа на западе острова и в прибрежных водах, в какой-то момент почувствовала в себе силы не только развивать фамильный бизнес, но и обеспечить достойную счастливую жизнь всем окружающим. В учебниках истории было написано, что первую скрипку в подобных рассуждениях играла жена главы семейства по прозвищу «Рыжая Анна». Неизвестно, в какой именно момент и об какой угол стола она ударилась головой, но проснувшиеся королевские амбиции потребовали от нее активных действий.

Сначала она сумела запудрить мозги своему супругу, который то ли любил жену, то ли просто был тряпкой по жизни, а затем подобные глупые мысли распространились по всем ее родственникам. Ревеньковы начали собирать армию, аккуратно нанимая всякий сброд внутри Республики и даже сумев нанять какое-то количество китайских наемников.

Когда «Рыжая Анна» решила, что они полностью готовы, то выдвинули ультиматум действующему правительству, заодно призвав все остальные семейства Знати присоединиться к их «крестовому походу», дабы занять положенное место на вершине пирамиде. В обществе подобные заявления одобрения, естественно, не вызвали. Сложившийся порядок вещей более или менее устраивал всех, дело пахло гражданской войной, которой никто не хотел. В городах объявили сбор ополчения, люди стихийно готовили родные города к обороне. Знатные семьи хранили молчание, никого не поддерживая открыто и явно планируя присоединиться к победителям.

Хорошо, что находившийся тогда у власти Президент не стал церемониться, а просто отдал приказ Гвардии применить все имеющиеся в распоряжении ресурсы для уничтожения мятежников. Поднявшиеся в небо с авианосцев вертолеты и самолеты засыпали воинство семьи Ревеньковых бомбами, а подразделениям «морской пехоты» оставалось только зачистить местность. Пленных никто не брал, а восемнадцать погибших «гвардейцев» объявили национальными героями. Про других погибших официальные средства массовой информации не сообщали.

Случившееся вызвало в обществе огромную волну недовольства Знатью. С учетом того, что на тысячу обычных людей приходился всего один человек с

магическими способностями, одарённые оказывались в заведомо проигрышном положении. Именно это послужило причиной резкой обособленности знатных семейств, которые перестали занимать хоть какие-то руководящие должности и фактически переместились жить в параллельную вселенную. Теперь основной сферой их интересов был бизнес, особенно тот, где можно было использовать магию во благо.

После Апокалипсиса многие технологии были утеряны и их восстановление представлялось достаточно дорогим процессом. Например, те же самые Ревеньковы активно использовали Дар при добыче газа. Я не силен в физике и химии, но, судя по всему, один одарённый спокойно заменял пару десятков звеньев сложной производственной цепочке, причем всё, что ему было нужно для эффективной работы, это лишь регулярный отдых и хорошее питание.

А Семицветовы, с которыми я сегодня столкнулся, умели воздействовать на землю, благодаря чему их урожаи никогда не болели и вызревали не один, а два или даже три раза в год. Интересно, а чем занимаются Сечкины? Если верить новостям, то абсолютно всем. Но ведь так не бывает... Должна же быть у них хоть какая-нибудь специализация?

– Калмыков! – похоже, что я задумался слишком сильно. Веденеев смотрел на меня с крайне недовольным видом, да и все остальные ребята тоже кидали крайне неодобрительные взгляды. – Ты здесь? С нами?

– Так точно, товарищ майор! – я попытался изобразить на лице служебное рвение. То, что учеба в институте имеет мало общего с реальной работой оперативника я понял в первые же месяцы после своего распределения. Большинство тех знаний, которые вкладывали в наши головы преподаватели, так никогда и не пригодились мне в ходе службы, поэтому у начальника отдела складывалось обо мне не самое лучшее мнение. Периодически, я вообще начинал опасаться, что он спихнет меня куда-нибудь в патрульные, но пока неведомым образом мне удавалось держаться.

– Ты в бизнес-центре Семицветовых был? Удалось выяснить причины конфликта Сечкина и всех остальных? – строго посмотрел на меня Веденеев.

– Был, – понуро ответил я, понимая, что порадовать начальника мне особенно нечем. – Семицветовы-младшие приводили друзей на экскурсию, ну или что-то

наподобие. Они пробыли в здании около трех часов и Сечкина там с ними не было. Судя по всему, встреча с ним не была запланированной, потому что охранник на входе сказал, что Павел разговаривал с кем-то по телефону, а потом позвал друзей выйти на улицу со словами, что «там этот неадекватный подъехал». Он не уверен, что речь идет о Сечкине, но поскольку трагедия произошла буквально через несколько минут после их появления на улице, то...

Я развел руками, не зная, что еще добавить к сказанному, а Веденеев криво усмехнулся.

– Рассказываешь, как будто книгу читаешь... Вот только не говори мне, что охранник бизнес-центра разговаривал с тобой именно такими словами!

Он еще раз ухмыльнулся, а потом передразнил меня:

– Трагедия произошла! Калмыков, сколько раз я буду тебе повторять, что не надо придумывать слова и мысли за свидетелей. Охранник бизнес-центра не способен строить такие словесные конструкции!

– Охранники разные бывают, – обиделся я. В этот раз мне и в голову не приходило хоть на йоту нарушить инструкцию, поэтому скепсис начальника был явно не по адресу. – Я разговаривал с начальником охраны здания. Учитывая статус гостей, он лично сопровождал их с момента появления в бизнес-центре и до выхода на улицу. Вполне допустимо предположение, что его образование несколько выше, чем у рядового сотрудника службы безопасности.

Веденеев смерил меня тяжелым взглядом и перевел взгляд на Столетова. Вот и пойми теперь, согласен он со мной или просто не желает дальше продолжать беседу.

– Ну и что будем делать дальше? – спросил он у него, как будто действительно сам не знал, что делать.

– Да что тут делать, – пожал плечами оперативник. – Сечкин молчит, значит можем расценивать это, как косвенное признание его вины. На нас никто не давит, значит за парнем есть косяк, и Знать решила его слить. Возбуждаем дело по статье «Убийство двух и более лиц», документируем всю информацию и передаем в суд. Использование Дара пойдёт, как отягчающее обстоятельство.

– А если это всё-таки не он? – подал голос Пельмень. – Мы же не сможем доказать, что именно Сечкин применил магию.

– Тогда этот урод начнёт говорить и расскажет нам, как всё было, – жестким тоном оборвал его Веденеев. – Мы не психологическая помощь для прыщавых подростков, чтобы уговаривать самодовольного психа не делать себе хуже.

– Был бы не он, не сидел бы с видом праведника, – добавил Зорин. – А он улыбается постоянно, как будто вообще не переживает. Либо крыша поехала, и тогда самое место в дурдоме, либо действительно переживать не способен, а тогда значит, что он тварь, каких свет не видывал.

– Может быть, у Знати произошедшее и правда не считается чем-то из ряда вон выходящим? – аккуратно спросил я, опасаясь вызвать очередную вспышку гнева начальника. – Семицветов вон тоже никак не отреагировал на гибель детей, даже словечка не проронил. Может их с самого детства готовят к смерти, вот они и реагируют совсем иначе.

– Ты еще молод, Калмыков, – как-то неожиданно мягко для меня ответил Веденеев. – Семицветов промолчал, потому что от горя потерял дар речи. А может вообще хотел побыстрее спрятаться в автомобиле и поплакать в одиночестве. А этот щеголь сидит как ни в чем не бывало и даже не чешется сотрудничать со следствием.

Я промолчал. Ответить мне и правда мне особо было нечего. Мало того, что я самый молодой сотрудник нашего отдела, так и большого жизненного опыта приобрести мне действительно было негде. Если честно, у меня вообще плохо получалось представить, что должен чувствовать родитель, потерявший своего ребёнка. А уж тем более тот, у кого погибло двое сразу.

– Так, – помолчав минуту, принял решение начальник отдела. – Зорин и Столетов, сейчас откладываете всё и плотно занимаетесь Сечкиным. Я не хочу, чтобы он задерживался в нашем здании надолго, поэтому давайте, оформляйте бумаги для перевода задержанного в следственный изолятор, а затем готовьте бумаги для передачи дела в суд. Остальные работайте по текущим делам.

Ответом ему было нестройное угуканье и кивание головами. Приключение закончилось, начались будни. Мы встали и начали потихоньку продвигаться в сторону выхода, однако в дверях меня остановил оклик Веденева.

- Калмыков! Через пятнадцать минут жду тебя с результатами твоего расследования!

Я судорожно кивнул и выскочил в коридор. Ну вот и всё, дамоклов меч начал своё падение и совсем скоро разрубит меня на две неровные половинки. Не спрашивайте, почему неровные, но неминуемость кары сейчас виделась мне неизбежной.

Когда два года назад я пришёл в отдел расследований, то вдохновлённый своими успехами в учебе был просто уверен, что впереди меня ждёт головокружительная карьера. Однако суровая реальность бытия оказалась гораздо неожиданнее, чем те сказки, которые рассказывали нам преподаватели в институте.

Во-первых, выяснилось, что трактовка Кодекса преступлений Республики в реальной работе гораздо более вольная, чем нам преподавали. Во-вторых, хороший опер должен уметь всё и даже немножечко больше, а не только бегать по улицам и таскать на допрос к следователю подозреваемых. Вся стройная система деления сотрудников на оперативников, следователей, дежурных, дознавателей и так далее давным-давно была похоронена.

Людей не хватало, поэтому в дежурке сидели по графику, который постоянно нарушался, бумаги писали все, не особо сильно разделяя, какого назначения этот документ – справка о встрече с агентом или постановление о возбуждении уголовного дела.

Кроме того, по какой-то причине я сильно не понравился нашему начальнику отдела. Веденев при первой же встрече прочитал мне целую лекцию на тему того, какая высокая честь служить в его подразделении и насколько сильное оскорбление нанесли всей Службе Правопорядка, прислав в отдел лейтенанта без опыта практической работы.

Но я-то наивный все еще верил, что сумею быстро изменить мнение о себе, причем обязательно в лучшую сторону. Вы только дайте мне настоящее дело, а

желательно сразу «Преступление века», и оно обязательно будет раскрыто! И все поймут, что лейтенант Калмыков способен на многое. Как же я жестоко ошибался!

Не буду вдаваться в подробности моих многочисленных провалов, но тяжкий крест главного лузера отдела расследований я гордо нёс уже второй год и перспектив передать кому-то это знамя пока не было. Старшего то почти случайно получил, хотя там тоже та еще история... Но, в целом, радоваться в плане карьеры пока было особо нечему. А тут ещё эти убийства...

– Калмыков, – быстро пролистал бумаги в скоросшивателе Веденеев. – Давай поговорим откровенно. Может быть, ты хочешь перевестись от нас?

– Никак нет, товарищ майор! – глухо ответил я, стараясь не смотреть в глаза начальнику.

– А ты всё-таки подумай, – по-отечески продолжал гнуть свою линию начальник отдела. – Бывает же так, что человек не на своем месте. А его истинное призвание где-то рядом, просто он еще не знает об этом. Ты уже два года в подразделении, а толку никакого от этого нет.

– Я стараюсь, Борис Игнатьевич, – пробормотал я, понимая, что никаких особенных аргументов в свою защиту придумать у меня не получается. Если сейчас начальник поднажмет, то я подпишу не только рапорт на перевод в самую глушь нашего острова, но соглашусь и на досрочное увольнение.

– Плохо стараешься, – грустно констатировал Веденеев. – Сам посмотри, свидетели не опрошены, связи между убитыми не выявлены... Я-то думал, что тебе излишняя опека мешает. Может быть, совсем на старости лет с ума сбрендил, загонял пацана. Решил, надо тебе самостоятельное расследование поручить, и тогда несомненно сумеешь проявить себя! А ты?

– Я найду, Борис Игнатьевич! – горячо заверил я начальника, для убедительности прижимая руки к груди. – Мне просто нужно еще немножечко времени.

– Ну не знаю, – с сомнением покачал головой Веденеев. – Пойми, время детских игр закончилось. Ты служишь в самом сердце нашей Службы Правопорядка, и

здесь место для настоящих профессионалов, которые могут грудью встать на пути преступности и беззакония. Подумай сам, может быть сейчас ты занимаешь чье-нибудь место?

С каждым словом начальника моя спина непроизвольно сгибалась всё ниже и ниже. Голос Веденеев струился мягко, заполняя всё моё сознание, вытесняя любые ростки сопротивления. Я отчаянно пытался придумать, как можно выпросить отсрочку неизбежного, но опытный служака знал, как заставить подчиненного принять именно то решение, которое он считал единственно верным.

Собрав волю в кулак, я всё-таки выпрямился и предпринял последнюю попытку спасти свою карьеру в Управлении.

– Борис Игнатьевич! – с пылом начал я, но все мои усилия пропали зря.

Дверь с грохотом распахнулась и на пороге возник Столетов. Его обычно невозмутимое лицо было красным, а короткие волосы на голове стали похожи на иголки ошкетинившегося ёжика.

– Что случилось? – недовольно воскликнул Веденеев, уже, видимо, приготовившийся услышать от меня заветные слова, что я готов уйти.

– Борис Игнатьевич, – задыхаясь, как будто только что бежал, выдавил из себя Столетов. – Там Сечкина отпускают!

– В смысле?! – подскочил начальник отдела, едва не перевернув свой письменный стол и опрокинув на пол папку с моими бумагами. – Кто разрешил? С какого перепуга?

– Начальник управления, лично, – развел руками Столетов, отодвигаясь, чтобы пропустить мимо себя Веденеева, который тоже покраснел и теперь неуправляемым реактивным снарядом спешил навести порядок.

Про меня уже все, конечно же, позабыли, и я мысленно порадовался, что перевод в глухомань ненадолго откладывается. Хотя, возможно, что это лишь последний глоток воздуха перед казнью, но будем верить в хорошее.

Я подобрал скоросшиватель и поспешил вслед за коллегами, гадая, что же могло такого произойти за последние полчаса, что убийцу шести человек планируют выпустить на свободу. Причем проводить душегуба решил лично начальник управления, которого я, например, за два года видел лишь несколько раз на торжественных собраниях в честь праздников.

Спустившись вслед за Веденеевым на первый этаж, я увидел, что далеко не единственный любопытный в управлении. Из-за всех углов за разворачивающимся спектаклем смотрели десятки глаз. Виданное ли дело, генерал лично выпускает подозреваемого, еще и задержанного буквально несколько часов назад.

Сам Сечкин уже стоял рядом с начальником управления, чему-то довольно улыбаясь, причем с таким независимым видом, как будто это он освободил главного блюстителя порядка из камеры, а не наоборот.

Веденеев буквально подбежал к генералу и начал что-то горячо говорить ему, но никакого видимого эффекта не добился. Начальник управления похлопал по плечу Сечкина и кивнул постовым, чтобы выпустили молодого человека из здания, а затем приобнял нашего начальника за плечи и повёл в сторону лифтов.

– Руслан, рот захлопни, – нарисовался рядом со мной Зорин. – А то муха залетит, пищеварение испортится.

– Кирилл, – не обижаясь на дружескую подначку, повернулся я к соседу по кабинету. – А вот что сейчас такое было?

– Не знаю, – честно признался оперативник. – Мне вообще кажется, что я сплю и происходящее мне только снится. Мы оформили бумаги на перевод Сечкина в изолятор, отправили их с секретарем генералу на подпись, а сами со Столетовым занялись протоколами допросов, не подозревая подвоха. Внезапно появляется генерал вместе с Семицетовым и заявляет, что юношу надо выпускать, потому что имела место самозащита. И всё! Остальное ты только что видел сам...

– С Семицетовым? Самозащита? Да это же бред какой-то, – только и сумел выговорить я. – Кирилл, я ничего не понимаю. Зачем отцу, который только что потерял двоих детей, просить у генерала за Сечкина. Даже если он и невиновен.

Ему что? Заняться больше нечем?

– Не знаю, – пожал плечами Зорин. – Я сегодня вообще ничего не понимаю, и если честно, очень хочу спать...

Он развернулся и пошел к лестнице, а я смотрел ему вслед, понимая, что у меня опять отвисает челюсть. Может быть, мир сошел с ума?

Глава 3

– Блин, кофеварка не фурычит! – выругался Столетов, приплясывая вокруг чайного столика. Не уверен, что у моего коллеги имеются большие способности к ремонту электротехники, но сейчас он очень хотел кофе, поэтому был готов совершить чудо, лишь бы прибор заработал.

Раздалось странное шипение, треск, лампочки моргнули, а по помещению поплыл противный запах паленой проводки.

– Коля, брось ты её! – крикнул товарищу Зорин. – Всю управу сейчас спалишь, а кофе мы так и не попьём!

– Нет, ну что за напасть? – продолжал сокрушаться Столетов, раздумывая можно выдергивать шнур из розетки или лучше не рисковать. – И как мы теперь жить будем?

– Сходи к Зуичу, – посоветовал Пельмень, зашедший к нам с утра за точилкой для карандашей. – У него электрическая турка есть.

– Не хочу турку, – сокрушенно вздохнул мой наставник. – Там совсем другой вкус у напитка будет.

Кабинет у нас был просторный. Будь у меня одного такой кабинет, я бы обязательно поставил в нем тренажёр, огромный диван для отдыха и организовал уголок с чайником, кофеваркой и микроволновкой. Ну и конечно же солидный двухтумбовый стол с крутящимся креслом, чтобы любой входящий

сразу понимал, к какому важному и солидному сотруднику он попал на приём. Хотя нет, почему сотруднику? Начальнику!

Ну, а пока я не стал руководителем высокого ранга, то приходится делить кабинет с коллегами, и это ещё повезло, что нас всего трое. Так-то кабинет рассчитан на шестерых, но Веденеев в своё время сумел отжать для нашего подразделения целых четыре кабинета. Михневич, Зуев, Буряк и Пельменев сидели в соседнем кабинете вчетвером.

Если я правильно понял, то Зорин и Столетов довольно долго наслаждались неким привилегированным положением старших оперов вдвоём, пока им на голову не упал я. Не буду утверждать, что они были счастливы такому подарку, но и желающих сильно спорить с Веденеевым на горизонте так и не появилось. Всё-таки моим наставником определили Столетова, а не ещё кого-нибудь, поэтому капитанам пришлось принять ситуацию как есть и немного потесниться.

С другой стороны, довольно быстро два шустрых опера нашли в моем присутствии и некоторые плюсы. По крайней мере, теперь не приходилось кидать монетку, определяя кто из них идёт в ближайший магазин за булочками или печеньем. Эта почетная обязанность легла на мои плечи.

Глядя на то, как попытки реанимировать кофемашину так и не приводят к положительному результату, я горестно вздохнул, понимая, что, судя по всему, меня сейчас пошлют в ближайшую кафешку.

«Дедовщину в Службе Правопорядка никто не отменял», – любили повторять мои соседи по кабинету, в очередной раз всучивая мне денежку и отправляя в магазин.

Кто такая дедовщина и когда её ввели, пояснить, правда, никто не мог, но раз не отменили, значит надо терпеть. А куда деваться?

Но сейчас, пока оригинальная мысль воспользоваться бесплатной рабочей силой не пришла в светлые головы капитанов, я склонился посильнее над разложенными на столе бумагами и изобразил на лице глубокую задумчивость.

Без кофе, конечно, утро будет не таким добрым, как хотелось бы, но и работу никто не отменял. Тем более, что моё первое самостоятельное дело рискует

стать последним.

Семь мужских и женских тел были обнаружены в разных местах города в течение года, и поначалу их смерть расследовалась независимо друг от друга. Схожие черты в погибших нашёл Столетов, когда, читая очередное заключение судмедэкспертизы понял, что где-то такое уже видел.

Память у моего наставника была прекрасной, поэтому он достаточно быстро раскопал практически идентичный документ в папке с «висяком», тяжким грузом лежащее на его плечах последние полгода.

Нет, не то, чтобы он сильно переживал о погибшей девушке, но Веденеев напоминал ему о нераскрытом преступлении регулярно, чем заставлял капитана нервничать и напрягаться.

Убедившись, что заключения совпадают полностью, за исключением разве что «шапки» с данными жертвы, Столетов попытался устроить скандал и обвинить экспертов в халатности, но получил жёсткую отповедь вкупе с обвинениями в неумении работать.

Тогда он запросил данные обо всех похожих случаях и с удивлением понял, что в столице серия. Никак иначе семь мертвых тел с необъяснимой причиной смерти, но схожей клинической картиной объяснить не получится.

Веденеев, узрев такое счастье, долго орал на совещании, что мы все сговорились и наверняка хотим довести его до инфаркта. Потом всё-таки согласился с доводами Столетова и дал санкцию на объединение всех семерых в одно дело, вот только ответственным за него назначил почему-то меня.

Судя по всему, во всём опять виновата загадочная «Дедовщина». Хотя, с другой стороны, по сути, Веденеев сразу убил двух зайцев.

Не раскроется дело, так не беда! Всегда можно горестно вздохнуть и доложить начальнику управления, что от меня нет никакого толка. Зато Столетов освобождён от ненужной работы, соответственно может принести гораздо больше пользы в каком-нибудь другом месте.

Ну и в конце концов, нельзя исключать вариант, что мне, как молодому, перспективному и сообразительному сотруднику, может улыбнуться удача. Веденеев мне так об этом и сказал, когда ставил на дело.

– Дуракам везёт! – напутствовал он меня, и сейчас это везение было мне очень сильно необходимо.

Как бы не было горестно это признавать, но пока всё шло к тому, что мне придётся расписаться в собственном бессилии. Как не старался, я не смог придумать ни одной более-менее приемлемой версии, кто и с какой целью убил этих молодых людей.

Четыре девушки, три парня. Травм нет. Ранений нет. Признаков сексуального насилия нет. Между собой знакомы не были. У двоих нет родителей.

Я строил десятки версий, перерыл всю доступную информацию по различным религиозным культам, разослал десятки запросов пытаюсь найти хоть какую-нибудь точку пересечения у этой семерки, но осязаемого результата так и не появилось...

Дверь отворилась внезапно и как-то необычно стремительно. Я поднял голову от бумаг и с удивлением увидел входящего в кабинет начальника отдела.

Вообще-то Веденеев по утрам приходил к подчиненным редко, у него и без нашего общества хватало задач. Пока разберёшь сводки, прочитаешь почту, переговоришь с руководителями – уже и обед на носу. Если нам от начальника было что-то нужно, то мы ходили к нему в кабинет сами, так что утренний визит шефа не предвещал ничего хорошего.

Впрочем, хмурый вид Веденева вполне подтверждал мои предположения. Он недовольным взглядом обвёл кабинет и что-то буркнул себе под нос, причём настолько неразборчиво, что только интуитивно можно было угадать пожелание доброго утра.

Хотя утро явно таким не было. Я напрягся, предвкушая какие-то неприятности, а затем напрягся ещё больше, увидев за плечом Веденева знакомое лицо. Если

честно, этот человек был последним, о ком бы я сейчас подумал...

В наш кабинет с неизменной ухмылкой на лице входил Роман Сечкин.

– И что ему здесь надо? – недоуменно развёл руками Зорин.

– Шеф, а почему он не в наручниках? – тоже не полез за словом в карман Столетов.

– Раскаялся и решил добровольно сесть в тюрьму? – предположил я, изумленный не меньше своих коллег.

Судя по всему, моя реплика понравилась Сечкину больше всего, потому что он фыркнул, но тут же под взглядом майора демонстративно зажал рот руками. Я в свою очередь тоже склонил голову к бумагам, стараясь сделать вид, что молчал и продолжаю усердно работать.

За прошедшие две недели с момента ареста, а впоследствии триумфального освобождения Сечкина я пахал, как раб на галерах, мелким ситом просеял биографии убитых и вроде бы заслужил у начальника отсрочку. По крайней мере, пока что разговор о моем переводе куда-нибудь подальше больше не заводился...

Но зачем самому засовывать голову в пасть льва. Тем более, что надо быть напрочь слепым, чтобы не увидеть, что у нашего начальника не просто плохое, а прямо-таки ужасное настроение...

– Чем это у вас воняет? – поморщился Веденеев, оглядываясь по сторонам. – Вы что совсем с ума посходили, наркоту на рабочем месте варить вздумали?

– Никак нет, – прижался к стенке на безопасном месте от начальника Зорин. – Всего лишь кофе. Просто кофеварка сгорела... Мы сейчас проветрим, Борис Игнатьевич...

– Ну-ну, – потер начинающую лысеть голову Веденеев, обвел еще раз кабинет отстраненным взглядом, явно не совсем осознав слова, сказанные ему Кириллом, а потом, как будто решившись на какой-то очень важный поступок, заговорил

жестким и предельно деловым тоном.

– Значит так, коллеги! Разрешите представить вам нового сотрудника нашего отдела лейтенанта Сечкина Романа Владимировича!

Если бы сейчас несчастная кофеварка взорвалась, то, скорей всего, я бы удивился меньше. В полной тишине было отчетливо слышно, как какой-то предмет упал на пол и покатился куда-то под стол. Сначала я подумал, что это челюсть Зорина или Столетова, и лишь через несколько секунд понял, что так не бывает, а по полу катится выпавший из руки моего наставника карандаш.

Я во все глаза смотрел на хмурящегося Веденева и ухмыляющегося Сечкина, а всё происходящее начинало напоминать дурной сон.

– Роман Владимирович с отличием закончил наш национальный университет по специальности «Юриспруденция» и на днях изъявил желание применить свои знания в благородном деле охраны правопорядка, – я вроде бы внимательно слушал начальника, но никак не мог уловить эмоции, которые он вкладывал в произносимые слова. На первый взгляд, могло показаться, что он говорит с презрением или пренебрежением, но я работал в отделе не один день, поэтому научился хорошо чувствовать настроение Веденева. Было что-то еще, неуловимое, пытающееся прорваться наружу, но упорно заталкиваемое внутрь.

– Вашим соседям, – продолжал тем временем наш начальник, – нового сотрудника отдела я уже представил. Кирилл Леонидович, поскольку Столетов занимается обучением Калмыкова, то лейтенанта Сечкина я вверяю вам. Постарайтесь помочь ему побыстрее стать достойным сотрудником нашего подразделения.

После этих слов Веденев развернулся и, не произнеся больше ни звука, вышел, хлопнув дверью. Молчавший всё это время Сечкин усмехнулся, а потом оглядел нас с широкой улыбкой.

– Однако, всем здравствуйте! – честное слово, его постоянная демонстрация белоснежных зубов начинала потихонечку раздражать. Впрочем, как и щегольская челка черных волос, закрывавшая практически весь лоб, которую он регулярно сдувал с глаз. – Мне надо что-то сказать?

– Конечно надо, – подскочил к нему Зорин. – Например, что такого удивительного стоит сделать, чтобы убийца шести человек не сел в тюрьму, а заделался сотрудником Службы Правопорядка... У нас что? Река Имбушка потекла в другую сторону?

– Да нет, – пожал плечами Сечкин, не переставая улыбаться. – Вроде бы всё по-прежнему. Хотя именно сегодня утром я не проверял, но если вы мне поручите, то я сейчас быстренько метнусь до набережной и лично доложу вам о направлении и скорости течения. Надо?

– Малой, а ты чего постоянно лыбу давишь? – пришёл на помощь коллеге Столетов. – У тебя всё хорошо или ты просто демонстрируешь нам как много во рту зубов лишних?

– Я, конечно, прошу прощения, что не совсем понимаю ваш сленг, – отступил на полшага от наседавших на него капитанов Роман. – Но мне кажется, что наша беседа свернула не в ту сторону. У вас ко мне какие-то личные претензии или так встречают всех новых сотрудников подразделения?

– Претензии, – закивал головой Зорин. – Огромные претензии. Я пришёл на эту работу, чтобы защищать порядок в государстве! Порядок, понимаешь ты это слово? А то, что я наблюдаю сейчас, похоже на огромный сгусток беспредела. И мне непонятно, почему вдруг я должен мириться с таким положением вещей.

– Как тебя взяли в наш отдел? Папочка дал взятку? – поддержал Кирилла Столетов. – Может быть, ты ещё и нам зарплату платить начнёшь? Зачем ты пришёл в систему? Хочешь носить на плечах погоны и беспределить на законных основаниях?

– А о каком беспределе идёт речь? – с видом невинной овечки осведомился Сечкин. – Может быть, я сумею вам как-нибудь помочь?

– Пойди и убейся об стену! – посоветовал ему Зорин. – Я не буду с тобой работать, и уж тем более не планирую быть твоим наставником. Ты зажавшийся мутант, который считает нормальным убить шесть человек, а после этого ходить здесь с гнусной улыбочкой и упиваться могуществом своего папеньки.

– Извините, товарищ капитан, – улыбка с лица Сечкин исчезла, но голос по-прежнему лучился спокойствием и доброжелательностью. – Вы закончили своё эмоциональное выступление?

– Ты что, издеваешься? – руки Кирилла сжались в кулаки. Мне показалось, что ещё секунда и он ударит нашего нового коллегу. Причём не просто ударит, а повалит на пол и будет пинать ногами, пока на это будет хватать сил.

– Я просто хотел официально сообщить вам, что отказываюсь от вас, как от наставника, – все таким же ровным тоном сообщил Зорину Сечкин. – Мне нечему учиться у человека, который эмоционально нестабилен, неспособен к анализу фактов и пытается кичиться физическим превосходством. К слову, достаточно спорным...

– Ты! – то ли выдохнул, то ли выкрикнул Кирилл и буквально выскочил за дверь. Столетов покачал головой и вышел из кабинета вслед за ним.

Сечкин внимательно осмотрел кабинет, задержавшись взглядом на сломавшейся кофеварке, а затем подошёл к одному из двух пустующих столов. Недовольно покачав головой, он провёл пальцем по пыльной поверхности и принялся изучать грязь, собравшуюся на коже.

– Везде одно и то же, – с непонятной мне грустью вздохнул он, а затем щелкнул пальцами.

Я с изумлением увидел, как на поверхности стола появился небольшой, размером с сигаретную пачку, смерч, который с огромной скоростью начал ползать или даже летать по всем поверхностям, перепрыгнул на стул, произвёл там такие же манипуляции и вернулся обратно, к тому месту, где появился. После этого загадочное явление природы просто растворилось в воздухе, оставив после себя лишь небольшой, сантиметра полтора в диаметре, шарик.

Сечкин взял этот шарик, покрутил в руке и ловким движением забросил в мусорную корзину, стоящую около стола с кофеваркой. До неё было около пяти метров, и признаюсь честно, я бы так бросить точно не смог. Скорей всего, даже одного раза из десяти не попал.

Так не бывает!

Теперь я окончательно убедился, что переутомился и всё происходящее мне только снится. В реальности ничего подобного быть не может. Надо больше спать и не пытаться поддерживать организм лошадиными дозами кофе. Я зажал пальцами правой руки кожу на предплечье левой, с силой крутанул ее и....

Проснулся!

Хвала всем богам, мне всё приснилось! И сгоревшая кофеварка, и Веденеев, и Сечкин в виде моего коллеги... Да уж, видимо, работа в авральном режиме не прошла для меня бесследно. Надо завязывать с такими стрессовыми издевательствами над организмом, а то с такими кошмарами я рискую даже до капитанских погон не дожить.

Коллег в кабинете правда не было, но и Сечкина я тоже не видел. Нет, ну приснится же такое... Кто возьмёт на работу в отдел расследований убийцу шести человек? Ха-ха-ха и ещё сто раз ха!

– У тебя все нормально? – голос за левым плечом заставил меня подпрыгнуть на стуле. Как там оказался мой новый коллега, я упорно не понимал. Это явно сон! Иначе и быть не может.

Я протянул руку, надеясь разогнать воздушную иллюзию, однако пальцы натолкнулись на вполне осязаемое препятствие, заставляя поверить в то, что всё происходящее мне никак не снится.

– Коллега, у тебя всё нормально? – повторил свой вопрос Сечкин, внимательно глядя на меня.

– А как ты? – я не успел до конца определиться, что именно хочу спросить, то ли, как он так бесшумно двигается по кабинету, то ли что за смерч я наблюдал минуту назад на его столе.

– Я? Нормально, – молодой человек дернул щекой, но тут же совладал с эмоциями и протянул мне руку. – Давай знакомиться! Я Роман Сечкин, твой новый коллега.

– Руслан Калмыков, – ответил я, аккуратно пожимая раскрытую ладонь. Хватка у нового сотрудника оказалась железной, в голове появилась неуместная мысль, что он наверняка занимался каким-то спортом.

– Ты тоже планируешь возмущаться моим появлением в вашем прославленном подразделении и называть меня убийцей? – глядя мне в глаза, спросил Сечкин, не отпуская мою руку.

Вопрос, если честно, поставил меня в тупик. Надо полагать, Роман просто гений коммуникабельности. Если он всегда общается в такой манере, то работа опером явно не для него. Как же он планирует вызывать в людях доверие и выводить их на откровенность?

– Возмущаться не планирую, – честно ответил я, не отводя взгляд. Глаза у Сечкина оказались небесно-голубыми, но с каким-то неприятным стальным блеском. – Я не в тех чинах и званиях, чтобы спорить с волей руководства. Но у меня тоже, как и у моих коллег есть куча вопросов. Ответишь?

– Спрашивай, – кивнул Сечкин, по-прежнему сверля во мне дырку. Я даже почувствовал себя немножечко неуютно. Получалось, что Роман как бы нависал надо мной, причём при этом разговаривая со мной таким тоном, как будто это я новичок, а не он. И не я собираюсь задавать ему вопросы, а он мне.

– Ты правда собрался работать в Службе Правопорядка? – ляпнул я первое, что пришло в голову. Впрочем, с какой-то стороны вопрос был вполне логичный.

– Правда, – кивнул Сечкин, выпрямляясь.

– А зачем? – продолжил уточнять я. Меня по-прежнему не оставляло ощущение, что всё происходящее лишь плод моего воображения. Неважно, сплю я или нет, но сама ситуация упорно не хотела укладываться у меня в голове.

– Скажем так, – Роман задумался на несколько секунд, а затем в очередной раз широко улыбнулся. – Я пришел к выводу, что необходимо сменить обстановку, образ жизни и попробовать сделать что-то, чего хочу я, а не все окружающие.

– Очень оригинальная мотивация, – покачал я головой. – Получается, что тех шестерых тебя убить попросили? Ты что, наемный убийца на службе у папы? Или как тогда?

Вот теперь Сечкин завис по-настоящему. Более того, я заметил, что его глаза теперь светились совсем не голубым светом, а каким-то пугающим иссиня-черным.

Я смотрел на него и понимал, что только что потревожил спящий вулкан, который вот-вот взорвется и накроет меня с головой потоками кипящей лавы.

Куда я лезу? У меня что, появилось острое желание сдохнуть, как те ребята на площади?

– А ты не такой простак, как мне показалось, – наконец открыл рот мой новый коллега. Улыбка с его лица исчезла, оно вообще стало каким-то неживым и застывшим, как восковая маска, а голос больше напоминал хрип. – Развёл меня, как ребенка.

Он энергично потер лицо руками, а потом взглянул и его глаза снова оказались небесно-голубыми.

– Насколько мне известно, расследование того инцидента прекращено. Я защищался, и у меня просто не было другого выхода. Понятно?

– Конечно, понятно, – кивнул я. Холодок внизу живота никуда не делся, но меня понесло и останавливаться я не собирался. – Ты играючи лишил жизни людей и не понес за это никакого наказания. А теперь ты приходишь сюда и выясняется, что мы будем сидеть в одном кабинете. У меня тоже нет другого выхода?

– Я тебя не понимаю, – пожал плечами Сечкин.

– Ну а что тут непонятного? – я встал со стула, повернулся лицом к парню и расправил плечи. Мозг говорил мне, что я несу пафосную чушь, но где-то в глубине души мне очень хотелось высказаться. Я понимал, что если не скажу сейчас, то буду молчать и дальше, но мои мысли медленно сожрут меня изнутри.

– Если чему-то и успела научить меня служба, – начал я своё сольное выступление. – Так это тому, что в любой момент моя жизнь или жизнь моих коллег может оказаться в опасности. И единственное, в чем я могу быть уверен, так это то, что у меня за спиной есть кто-то, кому я могу доверять. А вот тебе довериться у меня пока что получается плохо. Да нет, не так! Я вообще не представляю, как тебе можно доверять! Ты убиваешь людей, потом врешь об этом, а в завершение ещё и приходишь сюда, светя своей белоснежной улыбкой и заявляешь, что будешь с нами работать! Ты нормальный вообще?

– Нет, – коротко пожал плечами Сечкин.

– Что значит нет? – если честно, я наткнулся на его короткий ответ, как на стену. Мне казалось, что мои слова должны вызвать у собеседника хоть какие-то эмоции, он должен вступить со мной в спор, приводить какие-то аргументы... А вместо этого короткое пожатие плечами?

– Нет – это значит, что я ненормальный, – механическим безэмоциональным тоном ответил Роман. – Я отказался от друзей, от богатства, от привычного образа жизни, и пришёл устраиваться на работу в Службу Правопорядка. Вот только всё это не повод с порога орать на меня и обвинять во всех смертных грехах.

– Но ведь ты убийца, – недоумевающе развёл я руками.

– Нет, – опять коротко пожал плечами Сечкин. – Я убил тех ребят на площади, но это не значит, что я убийца.

«Он псих» – промелькнула мысль у меня в голове. – «Я убил, но я не убийца! И что теперь нам всем от него ждать? Пока он нас поубивает?»

Я не нашелся, что сказать сразу, а потом входная дверь хлопнула, и в кабинет вернулись капитаны.

Столетов, не говоря ни слова, начал что-то искать у себя на столе, а Зорин с грохотом достал из шкафа книжку и бросил ее на стол, который совсем недавно с помощью своего дара очистил от грязи Сечкин.

– Давай, лейтенант, учись! Набирайся уму-разуму! Учим параграфы с первого по двадцатый! Вечером проверю!

– Товарищ капитан! Я готов ответить прямо сейчас! – Рома практически вытянулся в струнку, демонстрируя рвение и готовность к экзамену, но Кирилл не оценил его старания.

– Не надо умничать, Сечкин! – жестко оборвал его Зорин. – Вы хотели служить в нашем подразделении? Наверное, вы хотите стать крутым сыщиком? Или может быть даже самым главным начальником? Хотите? Так вот, для начала надо научиться подчиняться! Поэтому, сейчас вы садитесь и учите параграфы! А демонстрировать свои знания будете вечером! Вам понятно?

– Понятно, – хмуро процедил Роман, но Зорин этим не удовлетворился.

– Во-первых, отвечать необходимо «Так точно», демонстрируя, что вы поняли распоряжение старшего офицера и готовы к его исполнению. А во-вторых, делать это необходимо с улыбкой! Если вам что-то не нравится, то я могу предоставить вам ручку и лист бумаги для рапорта на увольнение! Нужно?

– Никак нет, – также сквозь зубы ответил Сечкин. Вот теперь я заметил на его лице настоящие эмоции. Для него происходящее наверняка было в новинку, вряд ли раньше он сталкивался с таким обращением, но парень держался и не поддавался на провокации.

– Руслан, мы по делам в город, – кинул мне Столетов. – Если Веденеев будет нас искать, то звони. Я получил в дежурке служебный телефон.

Я молча кивнул, сдерживая вздох зависти. Переносные телефоны были крайне недешевым удовольствием, поэтому даже во временное пользование их выдавали крайне ограниченному кругу лиц, определенных списком по Службе. Мне, естественно, туда попасть в ближайшее время не светило, а вот Зорин со Столетовым могли пользоваться благами цивилизации практически в любое время.

Много раз я представлял, как получаю телефон в дежурке, а потом ненароком выкладываю его на столик в кафе. Почему-то мне казалось, что все без исключения окружающие девушки непременно оценят факт обладания

подобным устройством и непременно сделают правильные выводы о моем потенциале. Или, о чем там еще...

Потенциал плохое слово. Зорин постоянно смеется, что до потенциала у меня с девушками не доходит...

Капитаны ушли, и мы остались в кабинете вдвоем с Сечкиным. Продолжать расспросы настроения не было, да и в принципе сейчас не самый удачный момент для этого. Рома злой сидит за своим столом и громко сопит, уткнувшись в Уголовный кодекс, а у меня тоже еще дел невпроворот.

Думаю, что у начальника отдела сейчас настроение ненамного лучше, чем у его подчиненных, а значит он скоро начнет искать жертву для показательной порки. Избежать экзекуции у меня, наверное, не получится, но можно попытаться хоть как-то смягчить удар... Какой бы еще запрос придумать по делу?

«Руслан, запомни», – учил меня уму разуму Столетов буквально в первые дни после моего появления в отделе. – «Веденеев в первую очередь оценивает не твои аналитические изыскания, а объём проделанной работы. Поэтому в деле должно быть как можно больше бумаг. Каких? Да любых. Характеристики, копии запросов, ответы на них, акты судебно-медицинской экспертизы и прочее, прочее, прочее...»

За время последующей службы в отделе я уже успел убедиться, что мой наставник был прав на сто процентов. Борис Игнатьевич обожал большое количество бумаг. Поначалу меня это сильно раздражало, но со временем мне пришлось признать, что в этом был определенный смысл.

Видимо, здесь начинал действовать какой-то из принципов философии, что-то из серии «Переход количества в качество». Куча бумаг давала оперативнику большой объем информации для размышления, превращаясь в кусочки мозаики, которые сами собой начинали складываться вместе.

Так, школы проверена, кружки и секции тоже... Что же можно еще придумать? В голову упорно не хотели приходить здравые мысли, и я решил сделать небольшую передышку. Глаза собирались в кучку и никак не хотели восстанавливать нормальный ракурс окружающих меня предметов. Умывшись в туалете и подышав воздухом на крыльце, я в очередной раз подумал, что

кофеварка сломалась не вовремя. Сейчас бы доза кофеина моим кипящим мозгам совсем не помешала.

Я умылся еще раз холодной водой. Помогло, но чувствую, что эффекта хватит совсем ненадолго.

Я зашёл в кабинет, вытирая руки носовым платком и обомлел. За моим столом бесцеремонно расселся Сечкин и абсолютно никого не стесняясь листал материалы уголовного дела по убийствам. Моего дела!

Я мысленно выматерился и понял, что, по большому счету, виноват полностью сам. Первое правило работы со служебными документами – встаёшь из-за стола – убирай документы в сейф. Неважно, куда ты собрался, покурить, на обед или в кабинет к начальнику, на пять минут или на полтора часа. Любые документы должны быть заперты в сейфе!

А я по привычке бросил скоросшиватель в верхний ящик тумбочки у стола, как всегда, это делали мои старшие коллеги. Вот и добросался!

– Роман, скажи мне честно, – постарался говорить я максимально корректно. – Всех одарённых не учат элементарным правилам приличия или только про тебя одного позабыли?

Скрывать не буду, внутри меня всё кипело. Подобная бесцеремонность для меня была в новинку и мне хотелось, как минимум, ударить Сечкина. Причем досада на самого себя только усиливала это желание.

– Тихо, тихо, – поднял руки в примирительном жесте Роман. – Чего ты кипятишься сразу? Я же помочь хочу!

– Если мне будет нужна помощь, то я сообщу тебе, – уже гораздо более жестким тоном сообщил ему я, захлопывая скоросшиватель и упираясь взглядом ему в переносицу. – А сейчас освободи мой стол!

– Ладно, ладно, – Рома встал и опять широко улыбнулся. – Сказал бы сразу, что уже всё знаешь! Я-то думал, что тебе убийцы этой семерки нужны...

Глава 4

Мое возмущение поведением Сечкина было настолько велико, что я даже не сразу осознал, что именно он сказал.

– Закрой папку и больше никогда не трогай мои вещи без разрешения! – стараясь выглядеть максимально солидно и грозно, сказал я своему новому коллеге. – Не знаю, где тебя учили манерам, но в нашем подразделении не принято засовывать нос в дела сотрудников без их просьбы.

Потом подумал пару секунд и добавил уже немного тише.

– И даже после их просьбы надо десять раз подумать, прежде чем лезть в чужие расследования. Инициатива, как правило, любит инициативного!

– Да ну тебя, – кажется Сечкин решил на меня обидеться. – Тоже мне, правильный нашелся. Ты когда спать ложишься, этический кодекс под подушку не кладешь? Если нет, то к врачу обратиться. У тебя все симптомы перегруженности работой.

И Роман с видом оскорбленной невинности прошествовал к своему столу. Я же, матерясь про себя последними словами, бегом пролистал скоросшиватель, а затем спрятал документы в сейф. Нет, не то, чтобы я действительно переживал, будто что-то пропало, но как же я мог так пролететь?!

Если об этом узнает Веденеев, он бы наверняка не удержится от длинной пространной лекции на тему «Разгильдяйство молодых неопытных сотрудников как причина грядущего Апокалипсиса». Нечто подобное однажды уже демонстрировалось в отделе, когда Зуич показал материалы дела кому-то из экспертов: пытаюсь объяснить им, что именно хочет получить в результате исследований улики. В тот раз начальник распекал нас всех около часа, и по итогу досталось всем, а Зуич еще неделю ходил, как оплеванный.

Я прямо таки представил себе скривившееся от недовольства лицо Веденеева и его преувеличенно ехидный голос, которым будет рассказываться, какой у нас в подразделении беспорядок, проходной двор и как любой желающий может

свободно заглянуть в материалы исследований.

«И почему же так происходит?» – звучал набатом в моей голове голос начальника. – «Долгие размышления привели меня к печальному выводу. В этих бумажонках нет абсолютно ничего ценного, что стоило бы скрыть от посторонних глаз! Их можно вывесить на заборе, чтобы преступники всех мастей долго смеялись над содержимым, а затем добровольно пришли сдаваться, считая нас всех настолько же безграмотными, как и автор писуллек, не считающий нужным хранить их в неприкосновенности!»

Откуда же всё-таки этот Сечкин свалился на нашу голову? Почему действительно руководство согласилось взять его на работу в Службу Правопорядка, причем не куда-нибудь, а сразу в наш отдел? Наверняка, это папа постарался. Решил, видимо, что если и прятать сыночка, то в наиболее приличном месте. А Веденеев и сделать ничего не смог...

Хотя, с другой стороны, для папы поступок еще более нелогичный. Чем служба Романа может помочь их семейному бизнесу? Да и как вообще Сечкин-старший отпустил сына на работу в госоргане? Насколько я был осведомлен о нравах, царивших в семьях одаренных, у детей там не было особого выбора, кем они станут, когда вырастут.

Успех бизнеса, как правило, плотно опирается на фундамент из Дара, вернее, на те, в прямом смысле слова, «дармовые» преимущества, которые он дает своему обладателю. Вон, Семицетовы, например, по словам Пельменя, экономят буквально миллионы на удобрениях и разных агротехнических культурах. Если честные фермеры вынуждены мучиться с защитой своих посадок при заморозках или наоборот спасти посевы от чрезмерной жары, то одаренные просто обходятся своими способностями.

Интересно, а что именно они делают? Выводят какие-то особенные сорта растений или управляют погодой? Здесь мои познания заканчивались, и я мог заниматься только фантазиями.

Я представил главу клана Семицетовых с развевающейся седой бородой и потрясающим трезубцем, пытаюсь вызвать дождь. Получилось достаточно смешно. Увидеть подобное в реальности должно быть не менее комично. Или это картинка из какой-то другой оперы?

В памяти всплыл школьный учебник литературы и что-то про сказки какой-то древней страны, существовавшей еще до катастрофы. У Сечкина что ли спросить? Только вот как сделать это аккуратно, чтобы не получить в ответ насмешки по поводу моей вопиющей безграмотности?

Ладно, обо всяких глупостях можно подумать и позже. Сейчас надо заняться делом.

Я вздохнул и начал изобретать, в какое ещё место можно отправить запрос по поводу расследования, чтобы материалы смотрелись как можно солиднее. В голове продолжали настойчиво крутиться слова Сечкина о том, что он знает, кто убийцы моих несчастных, но боязнь упреков со стороны Веденева останавливала меня от расспросов и по этому поводу. Ещё капитаны ушли из кабинета по каким-то неведомым мне делам... Вот как же всё не вовремя!

С другой стороны, если бы Зорин со Столетовым были на месте, то Роман наверняка не решился бы сунуть нос в мои бумаги. Да уж, дилемма...

Покосившись украдкой в сторону Сечкина, я с удивлением увидел, что он даже не думает изучать врученный ему Уголовный кодекс, а, развалившись на стуле и закинув ноги на стол, что-то сосредоточенно изучает в наладоннике. Ну вот и что ему сказать? Что у богатых свои причуды?

Эти мобильные устройства, по форме напоминавшие небольшую плитку шоколада, не так давно появились на рынке и стоили уйму денег! Я как-то поинтересовался ценой и сразу же постарался забыть о существовании такого чуда техники, потому что озвученная сумма не сильно отличалась от размера моей годовой зарплаты.

Наша Служба разорилась ровно на одно такое устройство, для генерала, и еще одно, по слухам, ушло технарям, которые разобрали его на молекулы для каких-то своих целей. Изверги! Я бы такую вещь только в руках носил, не доверяя карманам, и каждую пылинку сдувал с экрана.

– Рома, – предельно вежливо позвал я коллегу, не зная, как правильно вести себя после недавней нашей стычки. – Ты сейчас занят?

– Очень, – отозвался Сечкин, не меняя положения тела. – Ловлю дзен и чувствую, как постепенно флюиды оперативных премудростей проникают в мое тело.

– Я вообще-то серьезно, – повысил тон я, вспоминая, что этот богатенький наглец вообще-то убийца и новичок в нашем отделе. – И, судя по твоей позе, незаметно, чтобы ты был занят делом.

– Что еще тебе не нравится? – тем же тоном ответил Сечкин, но ноги со стола всё-таки скинул. – Побежишь теперь жаловаться на нерадивого лейтенанта старшим товарищам?

– Даже не собирался, – наверное, излишне горячо возразил я. – Но мне интересно, что именно ты хотел рассказать про материалы моего расследования?

– Да что ты! – самодовольно воскликнул этот индюк, наконец, поднимая на меня глаза от наладонника. – А я уж было подумал, что ты так никогда и не спросишь! Вы же тут все профессионалы, сотрудники элитного подразделения!

– Я такого не говорил, – заметил я, не слишком рассчитывая, что буду услышан.

– Мне спасибо тебе за это сказать?! – чуть ли не подпрыгнул на стуле Сечкин. Только сейчас я понял, что всё его спокойствие было напускным и на самом деле его трясет от злобы. – Не успел я в кабинете появиться, как все тут же встали в позу обиженных невинностей. Ах, посмотрите! Кого судьба-злодейка послала нам в коллеги! Не «пончики», а девочки из интерната! Кто мне пять минут назад лекцию читал о правилах поведения? Не ты ли?

– Слушай, а ты что, ожидал чего-то другого? – я почувствовал, как моё лицо начинает гореть от возмущения. Вообще-то, это дурной признак. Так-то я тихий и терпеливый, но иногда у меня может упасть планка, как называл это преподаватель «рукопашки» в институте. Сейчас со мной происходило что-то из этой серии...

– Ты убил шесть человек! Ты признался в этом! – я понял, что практически ору на собеседника. – Ты debil или действительно не понимаешь, что сделал? Читай по губам! Ты! Убил! Шесть! Человек! Ты даже не раскаялся в этом! Ты сидел на допросе и улыбался, как будто ничего не произошло и всё само собой

разумеется! И что после этого? Твой папа позвонил нашему генералу и устроил тебя к нам в отдел! Зачем тебе это нужно? Смеяться над нами, что ты весь такой замечательный, и у нас руки коротки тебя достать? Копаться в чужих документах? Сидеть ноги на стол и плевать в потолок! Ты никто без папы, пустое место! С чего ты взял, что кто-то будет относиться к тебе иначе?

В этот момент в моей голове мелькнула мысль, что сейчас Сечкин меня убьет! Не знаю, какие именно слова задели его за живое, но в я увидел, что в его глазах зажегся огонь лютой ненависти! Его кулаки сжались, а воздух вокруг меня как будто бы стал плотнее! Но меня несло, и я не собирался останавливаться!

Я кричал и в этом яростном крике выплескивал все сложности и обиды, которые мне пришлось пережить на пути к месту в этом подразделении, все комплексы, которыми богато наградило меня детство в глухом поселке и беспросветная жизнь родителей от зарплаты до зарплаты, все те придирки, которые постоянно получал от старших коллег и начальника отдела!

И если бы Сечкин сейчас сделал хоть движение в мою сторону, то я не знаю, что бы произошло!

– Молчать! – рык Веденеева подействовал на меня, как ушат холодной воды. Начальник отдела, набычившись, стоял на пороге кабинета и напоминал дикого кабана, изготовившегося к броску. – Что за крики? Дурь девать некуда? Что вообще здесь происходит?

– Разговариваем, товарищ майор, – хмуро процедил Сечкин, не сводя с меня ненавидящего взгляда. – Немного не совладали с эмоциями.

– Чтооо? – задохнулся от ярости Веденеев. – А ну смирно! Я вам покажу эмоции! Ты что, Сечкин, рассчитываешь, что твой папа будет постоянно прикрывать твои художества? Неприкасаемым себя возомнил?

– Никак нет, – хмуро ответил Роман, переводя, наконец, взгляд на майора. – И мой отец никому не звонил.

– Это неважно, – совершенно нелогично на мой взгляд,отреагировал на реплику Сечкина Веденеев. – Калмыков, у тебя что, работы нет? Расследование завершил? Или ты себя матерым волком вообразил? Решил на новичке

командный голос потренировать?

– Никак нет, – глухо ответил я, пытаюсь унять дрожь в коленях. Выплеснувшийся адреналин настойчиво искал выход из организма, поэтому чувствовал я себя сейчас не очень комфортно.

– А что тогда? – уже тише спросил у меня начальник. – Рассказывал новому коллеге, как вкусно кормят в столовой? Так до обеда еще далеко, его заработать надо!

– Товарищ майор, – громко вклинился в начинающий набирать обороты разнос Веденеева Сечкин. – Мы обсуждали материалы дела старшего лейтенанта Калмыкова, он показал их мне для примера, как строится работа подразделения. Мне кажется, что я знаю, кто совершил все эти убийства. Разрешите проверить мои предположения?

Если выразиться мягко, то Веденеев удивился. Судя по пробежавшему по его лицу шторму, в его голове сейчас появился целый рой вопросов, и он просто выбирал, какой из них задать первым.

– Роман Владимирович, – размеренно произнес он таким тоном, как будто только что зашел в кабинет и никакого всплеска эмоций не было и в помине. – Хотелось бы напомнить, что вы решили стать сотрудником отдела расследований Службы правопорядка. Мы тут не играем в загадки. Если у вас есть какие-то мысли по расследованию вашего коллеги, то изложите их в письменном виде и представьте своему наставнику. А потом, может быть, если ваши мысли покажутся нам с капитаном Зориным разумными, мы примем их к сведению. Вам понятно?

– Но, товарищ майор... – Сечкин явно ожидал другой реакции на свои слова. – Вы не понимаете...

– Нет, это вы не понимаете, товарищ лейтенант! – жестко оборвал его Веденеев. – Есть порядок работы, который придумали задолго до вашего появления на свет, и вы еще слишком молоды, чтобы считать себя самым умным! В письменном виде капитану Зорину! Вам понятно?

– Понятно, – вздохнул Сечкин. Этот раунд он проиграл без вариантов.

– А если вам что-то не нравится, то вы можете зайти ко мне с листом бумаги и ручкой, – добил уже упавшего соперника Веденеев. – Я продиктую вам форму рапорта на увольнение.

И уже обращаясь ко мне, удовлетворенный начальник добавил:

– Калмыков, через десять минут жду у себя в кабинете! С материалами дела!

К моему удивлению, у себя в кабинете Веденеев вел себя не в пример спокойнее, чем я мог предположить. Конечно, товарищ майор не упустил случая выдрать меня за то, что в материалы расследования суют нос все кому ни попадя, но все это было как-то неискренне, понарошку.

Я даже начал подозревать какой-то подвох, потому что подобное поведение начальнику было несвойственно. Еще больше я удивился, когда, пролистав бумаги и похмыкав себе под нос, Веденеев решил оставить скоросшиватель у себя.

– Посмотрим вечером, что там твой брат по разуму насочиняет, – объяснил он мне, убирая папку в ящик стола. – Вдруг действительно ценная мысль проскользнет... А то всё возишься с этим делом, конца края не видно...

Я хотел было ответить, что дело вовсе не такое простое, как ему кажется, но потом решил всё-таки промолчать. Жизнь сама рассудит, кто из нас прав.

– И еще, Калмыков, – уже в дверях остановил меня Веденеев. – Сечкин не так прост, как может показаться на первый взгляд. Не надо нарываться на драку с ним. Он, если ты помнишь, шесть человек недавно убил и не поморщился. Он одаренный, и ему все твои разряды по рукопашному бою глубоко до одного места.

– Я понял, товарищ майор, – кивнул я, прикидывая, из каких побуждений начальник вдруг решил дать мне такой совет.

– А раз понял, то не забывай приглядывать и сообщать руководству обо всём подозрительном, – совсем уж, на мой взгляд, нелогично завершил свою мысль

Веденеев. – Не надо воспринимать его, как коллегу. Сечкин в нашей системе человек случайный, и это факт. Я уверен, что он не протянет в отделе даже месяца. Единственное, что пока непонятно, это зачем действительно его к нам занесло?

– А почему его тогда взяли к нам в отдел? – осмелился я задать вопрос, который действительно был мне непонятен.

– Потому что так надо, – резко отрезал Веденеев. – Молод ты еще решения руководства обсуждать. Свободен!

Вот и поговорили, что называется. У меня в кабинете сидит сотрудник, который никому не нужен, но от которого никто не отказался. Интересно, а как ему самому живется под крылом своего папы? Неужели приятно каждый раз слышать, когда ему напоминают, что он не самостоятельная личность, а лишь приложение к влиятельному папаше?

Возвращаться в кабинет не хотелось. Я зашёл в кабинет к коллегам и обнаружил на месте одного лишь Стаса Михневича, который сосредоточенно писал что-то в блокноте.

– А, это ты, – обменялся он со мной рукопожатием. – Сильно досталось? Что вы там умудрились с этим щёголем не поделить? Не трогай ты его, он явно у нас в отделе надолго не задержится. Зачем зря подставляться? А Пельмень с Зуичем на какую-то встречу умотали, вроде как информация по краже на Солнечной есть у кого-то. Вася приболел, но я ему сразу сказал, что рано ещё купальный сезон открывать. Зато хоть можно поработать в тишине и покое, сейчас поручение допишу и пойду девочкам в машбюро кланяться, чтобы перепечатали побыстрее.

Худой как щепка, Михневич обладал удивительной способностью делать несколько дел одновременно. Вот и сейчас, вывалив на меня ворох вопросов и ненужной мне информации, он так и не оторвался от своей писанины, продолжая покрывать лист мелким бисером букв.

Но в этом была вся суть Стаса. Он постоянно находился в движении. Начав говорить, он мог успешно построить диалог за себя и собеседника, вроде бы даже не интересуясь его реакцией на сказанное. Причём водопад слов

сопровождался непрекращающимися движениями тела, и со стороны казалось, что Михневич состоит из отдельных механизмов, свободно болтающихся на каких-то шарнирах. Даже грива густых русских волос никогда не слушалась расчески и постоянно меняла облик оперативника.

Всё это периодически приводило в бешенство любящего порядок Веденева и вводило в ступор задержанных, которые не сразу понимали, что перед ними находится не Шалтай Болтай из старой сказки, а внимательный профессионал, не упускающий не одной детали.

Стас был первым претендентом на повышение в отделе, даже несмотря на то, что Зуич с Пельменем были старше его и соответственно работали дольше. При всем этом Михневич был очень компанейским человеком, доброжелательным и надежным. Окружающие его искренне любили и думаю, что желали ему хорошего больше, чем Стас просто мог себе представить.

– Как ты думаешь? Зачем Сечкин пришёл на работу к нам в отдел? – спросил я у Стаса, поймав паузу в его потоке словоблудия.

– Прячется от чего-то, – ответ последовал молниеносно. Причём настолько быстро, как будто Стас что-то знал, а иначе откуда у него такая уверенность? – Или от кого-то...

– Вообще не вижу логики, – признался я. – Других мест, что ли, нет?

– Может и есть, – оторвался от своей писанины Мицкевич. – Но всё равно, он здесь ненадолго. Пойми, мы для него не больше, чем мимолетное развлечение. Что ему у нас делать? Наша зарплата для него слезы, он наверняка за вечер в кабаке больше спускает. Да и не привыкли выходцы из таких семей жить по строгим правилам, а с нашим Веденевым иначе у него и не получится. Так что, помяни моё слово. День-два, максимум неделя, и мы снова забудем о его существовании...

Стас хохотнул и добавил:

– Ну только если он опять кого-нибудь не убьёт!

В этот момент он вырвал из блокнота лист и выразительно посмотрел на меня. Всё понятно, творческий процесс завершён, Михневич собрался в машбюро, значит пора и мне на выход. Кабинеты в нашем подразделении было принято запирать.

«Как впрочем и документы в сейф прятать», – подумалось мне, глядя на то, как Стас пружинистым шагом двигается в сторону лестницы. «А некоторые нерадивые сотрудники до сих пор не могут это запомнить и получают по шапке».

За время моего отсутствия в кабинете изменилось мало. Зорин со Столетовым до сих пор не вернулись, а Сечкин всё также сидел за столом и желания вступать в беседу особо не демонстрировал. Единственное отличие, на этот раз он уже не копался в наладоннике, а корпел над листом бумаги с автоматической ручкой в руках. Судя по всему, он и впрямь решил изложить в письменном виде все свои мысли о моем расследовании.

Я сел за стол, но в голову не лезло ни одной дельной мысли. Это утро явно нельзя было занести себе в актив. Молчащий и периодически что-то хмыкающий себе под нос Сечкин отвлекал от работы и постоянно возвращал мои размышления к залету с материалами дела.

– Рома, а ты действительно думаешь, что знаешь, кто убил этих семерых? – в конечном итоге не выдержал я и решил кардинально прояснить ситуацию.

– Да, – коротко ответил Сечкин, просматривая только что сделанные записи.

– И объяснить что-то мне ты видимо не собираешься, – предположил я, впрочем, заранее предвидя ответ заносчивого коллеги.

– А зачем? – с видом посмотрел на меня Роман. – Я хотел тебе помочь, но ты вместо этого начал учить меня жизни. Сиди теперь и кусай локти!

– Да уж, – в сердцах выдохнул я. – Я смотрю, что ты друзей ты умеешь заводить профессионально.

– Мы не друзья, а коллеги! – достаточно жестко отреагировал Сечкин. – Вы тут все тоже с распростертыми объятиями навстречу ко мне не кинулись.

В чем-то, конечно, он был прав, крыть нечем. Но выскочек нигде не любят, а в нашем отделе тем более.

Эту простую истину наглядно продемонстрировали вернувшиеся через пару часов Зорин со Столетовым. Судя по всему, по дороге в кабинет они уже успели побывать у Веденева, поэтому завалились в кабинет с соответствующим настроением. Я как раз блаженно переваривал недавно съеденный обед и потихонечку ощущал, как ко мне возвращается хорошее расположение духа, как на голову свалились два голодных, к тому же злых капитана.

И началось!

Сначала прилетело мне от Столетова за разбрасываемые документы и несоблюдение добрых двух десятков должностных инструкций. Где-то в глубине души я понимал, что наставник утрирует, но ссылка на пункт приказа, что в сортир «по большому» можно ходить только с грифовой туалетной бумагой убил меня напрочь. Впрочем, как и упоминание, что существуют нормы положенности по ее использованию в зависимости от размера трусов, которые носит сотрудник.

А потом эти два злыдня принялись за Сечкина. Когда Рома с гордостью продемонстрировал Зорину густо исписанные листы бумаги, то он явно рассчитывал хотя бы на серьезное обсуждение своих мыслей, возможно даже в компании с начальником отдела, но все воздушные замки господина лейтенанта разрушил оглушительный хохот...

– Коля, смотри, – потрясал листами бумаги Зорин, смахивая со щеки несуществующую слезинку. – Растет смена-то! Будет теперь кому написать летопись нашего прославленного подразделения. Пускай в жанре ненаучная фантастика, но хоть как-то!

– Какая фантастика, – начал кипятиться Сечкин, пытаясь забрать своё сочинение у Зорина. – Я излагаю только факты.

– Ага, конечно, – не успокаивался его наставник. – Извлечение энергии из человеческого тела не изучалось с научной точки зрения, но лечение многих болезней в центре доктора Долчанова происходит именно таким способом. Поэтому к убийствам, несомненно, причастны члены семьи уважаемого медика.

Столетов перестал улыбаться и уже серьезным тоном перехватил эстафету от приятеля:

– Лейтенант, ты только честно скажи, никаких таблеток не принимаешь? Или это стресс от убогости обстановки в нашем кабинете? Ты понимаешь, что Долчанов – это врач с мировым именем? К нему очередь на лечение на год вперед, несмотря на цены! И его дети не придумали ничего более умного, кроме как начать людей убивать? Так ты карьеру в нашей Службе точно не сделаешь...

Короче, полоскали Сечкина они долго... Он поначалу пытался что-то объяснить, но Зорин со Столетовым в словесных поединках не одну собаку съели. Поэтому какие бы аргументы не приводил наш новый «Шерлок Холмс», они моментально разбивались о стену сарказма и недоверия.

В конце концов, Рома просто сдался. Он замолчал и нахохлился, как воробей в зимнюю стужу. Потом с таким же мрачным видом процедил ответы на вопросы по параграфам Уголовного Кодекса и, судя по всему, с трудом дождался окончания рабочего дня.

– Завтра мы его уже не увидим, – с довольным видом констатировал Зорин. Судя по всему, это было единственное, что его волновало относительно Сечкина. – Баба с возу, кобыле легче.

Веденеев вернул мне скоросшиватель с материалами дела молча, как будто утреннего инцидента и не случилось. Если честно, я ожидал от него хоть каких-нибудь комментариев в адрес Романа, но начальник отдела не проронил ни звука.

Ну что ж... Значит так тому и быть! Разбираться в хитросплетениях политических решений старших товарищей мне абсолютно не хотелось. Всё, чего я хотел прямо сейчас, это мой диван и ужин.

– Руслан, – оклик со спины оказался для меня более чем неожиданным. Развернувшись, я с недоумением уставился на подходившего ко мне Сечкина. Сейчас он уже не напоминал того нахохлившегося попугая, которым казался буквально пару часов, когда слушал нравоучения от разошедшегося Зорина.

К молодому человеку вернулись его самоуверенность и так раздражающая меня широкая улыбка.

– Ты сильно торопишься? – спросил у меня Сечкин и судя по его выражению лица, он явно рассчитывал, что я уделю ему время.

– Чисто теоретически, да, тороплюсь, – никакого желания тратить время на общение с этим хлыщем у меня не было, поэтому я сделал попытку развернуться и уйти, но не тут-то было.

– А куда? – схватившая меня за локоть рука мне категорически не понравилась, но и устраивать драку пока не очень хотелось.

– Отстань от меня, – дернул я конечностью и убедился, что хватка у моего нового коллеги вполне напоминает стальную. – В отличии от некоторых я живу бедно, поэтому на домработницу еще не заработал. Поэтому мне надо в магазин, потом приготовить ужин, съесть его и лечь спать, чтобы с утра, не опаздывая быть на работе.

Я, конечно, нес сейчас полную околесицу. Приготовление бутерброда из хлеба и сыра с колбасой особо много времени не занимало, но объяснить это Роману желания не было. Мне просто не хотелось с ним разговаривать. Не знаю, как объяснить, но с его появлением атмосфера в кабинете неуловимо изменилась, и я за сегодняшний день устал до чертиков. Все мои мысли сводились к чашке горячего кофе и интересной книге, тем более что я недавно взял в библиотеке несколько древних детективов.

Самое интересное, что Зорин со Столетовым моего увлечения книгами не понимали, считая трату времени на чтение абсолютно пустой затеей, а вот Веденеев как раз наоборот меня похвалил. В своеобразной, конечно, манере. Что-то из серии, что изучение букв способствует развитию аналитического мышления.

– Давай совместим полезное с приятным, – не отставал от меня Сечкин. – Я приглашаю тебя поужинать, а ты уделишь мне время и обсудишь со мной один вопрос. Идет?

Вот тут я задумался по-настоящему. Было дико любопытно, как выглядят столичные рестораны. Сам я в подобном заведении был всего один раз и то, когда вместе со Столетовым выезжал на осмотр места происшествия. Темный пустой зал с погашенными люстрами произвел на меня тогда достаточно гнетущее впечатление, да и возможности поразглядывать обстановку особенно не было.

Тем более, никаких обязательств на себя брать не требуется. Посидеть, поговорить... В конце концов, может быть, и вправду от такого общения будет какая-то польза. Кто его знает, как там наша жизнь повернуться может.

– Ты платишь, – быстро сказал я. Сколько стоит ужин в подобном заведении, мне естественно тоже было неизвестно, но подозреваю, что очень и очень накладно для моего старлейского кошелька.

– Вообще не проблема, – передернул плечами Сечкин. – Едем?

Наличие у лейтенанта Службы правопорядка собственного автомобиля к этому моменту уже абсолютно не удивляло. Вопрос вызвала только марка. Угловатый джип больше напоминал какой-то армейский внедорожник, чем машину гражданского предназначения. Кроме того, сложный иероглиф на решетке радиатора не имел ничего общего с аскетичной буквой «Зет» латинского алфавита или головой коня на грузовиках «КАМАЗа».

Роман привычно забрался в салон и насмешливо посмотрел на меня, все еще разглядывающего автомобиль. Заметив его взгляд, я поспешил сесть на пассажирское сиденье, но тут же удивился еще больше. Звука мотора не было слышно.

– Здесь стоит электрический двигатель, – пояснил коллега, заметив мое недоумение. – Ты едешь в машине производства компании «Сечкин, великий Сечкин и все остальные».

– Seriously? – в эту секунду я был готов поверить во что угодно. Количество эмоций и новых впечатлений за один день явно перекрывало не только месячную, но и годовую норму.

– Что именно? – чуть ли не расхохотался Роман. – Если ты про название фирмы, то нет, это шутка. Отец бы никогда не допустил подобной мерзости. Если ты про электрический двигатель, то поверь мне, у него помимо плюсов есть огромное количество минусов.

– Ну-ну, – только и сумел ответить я, разглядывая салон и приборную панель автомобиля. Машин на острове было не так уж и много, однако не надо думать, что я приехал в столицу совсем уж из деревни. Просто до этого салоны авто попадались мне попроще, и вид множества электрических лампочек завораживал.

Автомобиль резво, но также тихо, двинулся с места. Сечкин вел машину уверенно, чувствовалось, что у него достаточно приличный опыт в этом деле. Почти не притормаживая на поворотах, Рома быстро довез меня до большого здания с круглой крышей, которая, судя по всему, была переоборудована в летнюю террасу. Сейчас там стояла установка с цветомузыкой, добавлявшая атмосферу праздника во все происходящее.

Парковка перед заведением была заставлена не самыми дешевыми автомобилями, среди которых бродили компании веселых молодых людей. Многие из них, судя по всему, уже успели приобщиться к крепким алкогольным напиткам, но это ничуть не портило градус общего веселья. Повсюду слышался смех и громкие разговоры.

– Ресторан «Панакея», – пафосно объявил Сечкин, выключая двигатель. – Самые натуральные продукты для вашего здорового питания.

Он открыл дверь и меня сразу же оглушила громкая музыка, льющаяся из открытых дверей заведения и бьющая по моим не привыкшим к подобному шуму ушам. Сам бы я к такому месту не подошел и на пушечный выстрел. Здесь для меня дорого было всё!

Даже одежда на окружающих стоила баснословных денег, и я в своих стареньких джинсах чувствовал себя не в своей тарелке. Сечкину же вся

окружающая шумиха, судя по всему, была не в новинку. Он махнул мне рукой и уверенной походкой устремился в сторону входа.

Идя за ним, я непроизвольно обратил внимание, что, увидев Рому, многие затихают и чуть ли не начинают тыкать на него пальцами. Голоса вокруг стихали как по мановению волшебной палочки, и продолжались лишь тогда, когда Сечкин удалялся от говоривших на приличное расстояние.

Охранники на входе тоже замешкались при виде нашей парочки, но Рому всё-таки пропустили. Я намерился было прошмыгнуть вслед за ним, но тут один из бодигардов преградил мне путь.

– Извините, но это частное заведение, – твердым тоном заявил он мне, упирая широкую, как лопата, ладонь мне в грудь. – Мы вынуждены отказать вам в обслуживании.

– Эй! Эй! Эй! – заметил мои трудности Рома. – Он со мной, пропустите его!

– Вы абсолютно уверены в благонадежности вашего друга? – строго спросил второй охранник у Сечкина. Почему мне стало так обидно. Что я даже собрался возмутиться и полез в карман за удостоверением. Судя по всему, Рома мое движение заметил, потому что он приобнял меня, заблокировав руку и задушевно ответил охранникам:

– Да вы что, ребята? Это ж мой друг детства! Он просто пытается быть ближе к народу, поэтому и одет так странновато...

Охранники продолжали смотреть на меня с подозрением, но Сечкина, видимо, здесь знали в лицо и причем достаточно неплохо.

– Хорошо, Роман Владимирович, – наконец сказал один из них. – Проходите!

Мы сделали шаг ко входу, но поужинать в ресторане сегодня мне, видимо, не светило.

– Сам пришёл, – услышал я удивленный голос вышедшего навстречу нам молодого человека. За его спиной толпилось человек десять, и они все с

нескрываемой злобой смотрели на Сечкина. – Решил всё-таки сдохнуть?

Глава 5

В животе появилось жутко неприятное ощущение. Говорила моя бабушка, что халява к добру не приводит. Сидел бы сейчас дома и уплетал бутерброды с чаем, так нет же, деликатесов захотелось.

Судя по настороженным и одновременно кровожадным физиономиям вокруг меня, Рома привел меня в какой-то улей. Более того, его появление можно было сравнить с палкой, которую некоторые самоубийцы в этот улей засовывают.

Однако сам Сечкин ни на секунду не потерял самообладания. Мне вообще показалось, что он даже обрадовался сложившейся ситуации. Не знаю, чего именно он добивался, но по крайней мере, переживать из-за компании преградивших нам путь ребят явно не собирался.

– Руслан, – с ленцой протянул Сечкин, поворачиваясь ко мне. – А за нападение на сотрудников Службы Правопорядка срок дают?

– Ну да, – на автомате ответил я. – От трех до десяти лет, в зависимости от обстоятельств.

– А за наше убийство им наверняка вышак светит? – продолжал допытываться Роман, еще шире растягивая губы в улыбке. – Причем всем здесь присутствующим?

– Естественно, – до меня начало доходить задуманное моим новым коллегой и сжавшийся желудок потихоньку начал расправляться обратно.

– Ну вот видишь, Цыпа, – обернулся к зашущукавшимся молодым людям Сечкин. – Тебя грохнут, и даже папа не поможет.

– Что ты свистишь? – недоверчиво протянул парень, который только что угрожал Роману смертью. – Какая Служба Правопорядка?

– Та самая, Цыпа, – усмехнулся Сечкин и с удовольствием повторил. – Та самая. И с сегодняшнего дня я там работаю, а значит трогать меня сейчас уголовно наказуемое деяние. Я надеюсь, такие сложные слова тебе знакомы?

Судя по всему, озвученные новости произвели эффект разорвавшейся бомбы. Я насчитал, как минимум, три челюсти, упавшие под ноги, а количество восклицаний «Да ладно!», «Ты слышал?!», «Быть не может!» вообще не поддавалось счету.

– Так что если собираешься устроить здесь разборки, то предварительно позвони маме и попроси засушить тебе сухарей, – продолжал улыбаться Рома. – Ну или носки теплые пусть тебе купят, я, честно говоря, всего еще не знаю, поэтому не могу сказать точно, что именно понадобится.

– Ты гонишь! – попытался сохранить самообладание парень со странным прозвищем Цыпа, но Сечкин уже почувствовал слабинку и не дал ему такой возможности.

– А ты рискни проверить! – он сделал шаг навстречу и лицо Романа оказалось буквально в нескольких сантиметрах от лица оппонента. – Я размажу тебя по стенке, вот только мне за это ничего не будет, а всех твоих прихлебателей отправят гнить на переработку мусора. Ну и тебя, заодно, если выживешь... А вот мне ничего не будет!

– Тебя лишили силы, – еще тише произнес Цыпа, но я видел, что он сломлен. Происходившее явно шло не по его сценарию, и он просто не понимал, как правильно сейчас будет поступить.

– Уверен? – Рома придвинулся к оппоненту практически вплотную. – Рискнем?

– Так, спокойно, – с неожиданной ловкостью вклинился между парнями один из охранников. – Роман Владимирович, Виктор Сергеевич, нашему заведению не нужны проблемы! Давайте успокоимся!

Я заметил, как второй в этот момент что-то бубнил в радиостанцию, и окончательно уверился, что торжественный ужин в ресторане отменяется.

– Так я и не напрягался, – Сечкин поднял вверх открытые ладони. – Мы с моим другом собирались поужинать. Я как раз сегодня рассказывал, какая замечательная кухня в вашем заведении. Или нам откажут в обслуживании?

По лицу охранника было понятно, что он очень сильно хочет именно так и сделать, но по какой-то причине не может на это решиться. Тем временем, Цыпа бочком протиснулся мимо нас в сторону улицы и направился в сторону парковки. Видимо, именно это и склонило чашу весов размышлений охранника в сторону Ромы.

– Роман Владимирович, мы просто не хотим никаких конфликтов в нашем заведении, – он предупредительно прижал руки к груди, как бы показывая, что и не собирался нас задерживать. – Вы же сами знаете, как легко в наше время теряется репутация.

– Мы просто хотим поесть, – твердо заявил Сечкин, глядя в глаза сотруднику ресторана, и тот молча кивнул сначала Роме, а затем и стоявшему в дверях менеджеру.

– Сечкин, – окликнул нас Цыпа, когда мы практически зашли внутрь. – Земля по-прежнему круглая! Мы с тобой еще встретимся!

Но Рома сделал вид, будто бы ничего не услышал. Нас провели внутрь и усадили на первом этаже за один из столиков возле окна. Вообще-то на нем стояла табличка «Резерв», но, судя по всему, сотрудники ресторана решили не размениваться на подобные мелочи.

– Закажете сразу или мне подойти попозже? – официант с тяжелыми папками меню появился как будто из ниоткуда, а его предупредительность заставила меня почувствовать неловкость. Ну да, прежде в таких местах мне бывать не доводилось, и сейчас я чувствовал себя не очень комфортно.

Мягкие диваны, рассчитанные явно на двух или даже трех человек сразу, большой стол между ними, отблески светомузыки на разнообразных бокалах и стаканах, уже стоявших на столе. Все это казалось мне картинкой из какой-то другой жизни, до сих пор скрывавшейся от меня где-то в параллельной вселенной.

Большой круглый зал представлял собой танцпол со сценой, на которой сейчас две девушки пели популярную в последнее время песню про райский остров. Вокруг места для танцев стояли столики, за которыми расположились парочки и компании в несколько человек. Ближе к окнам стоял еще ряд столиков, наподобие того, за которым сидели мы с Ромой.

На мой взгляд, эти места были наиболее удачными в заведении. С одной стороны, всё прекрасно видно. Эти столы находились на небольшом возвышении относительно танцпола, поэтому ничто не мешало наблюдать за происходящим на сцене. С другой стороны, музыка здесь была не такой громкой, поэтому можно было разговаривать вполне свободно.

Лестниц на второй этаж оказалось целых две, причем, судя по всему, был еще какой-то путь, потому что официантов с заказами я на них не заметил. Это было довольно разумно, потому что и без обслуживающего персонала оба пути были достаточно оживленными из-за снующих туда-обратно посетителей.

– Ты выбрал? – спросил у меня Сечкин, так и не открывший свою папку с меню. – Рекомендую телятину, она у них всегда прекрасно получается.

Я перестал вертеть головой по сторонам и углубился в изучение блюд. Глаза, если честно, разбегались. Мысленно прикинув среднюю стоимость ужина, я вздохнул про себя и понял, что вряд ли приду в это заведение самостоятельно. Моей зарплаты на такие загулы не хватит...

Пробежавшись взглядом по страницам, я выбрал один из самых дешевых стейков и ткнул пальцем в него.

– И кофе, – добавил я, глядя на Романа. – Черный, без сахара.

Пускай, конечно, меня и пригласили, но повода наглеть сверх меры я не видел. Еще неизвестно, зачем Сечкин позвал меня в такое место. Если я чему и научился в этой жизни, так это тому, что влезать в долги стоит аккуратно. Пока что получалось, что он очень красиво прикрылся мной от гнева своих знакомых и ведет какую-то свою игру, причем использует меня втемную.

– Руслан, – как будто бы услышал мои мысли коллега. – Давай я тебе сам закажу. А то ты сидишь с видом девушки, которая пришла с парнем в кафе и теперь

прикидывает, как бы съесть ровно столько, чтобы потом еще за эту еду еще и спать с ним не пришлось.

– Не дождешься, – буркнул я, раздосадованный, что меня так легко раскусили. – Спать я с тобой не буду ни за какие коврижки. И уж тем более за стейки.

Сечкин только рассмеялся и махнул рукой официанту, ожидавшему неподалеку от столика. Заказ он сделал уверенно, так и не заглянув в папку с меню. Причем, если я правильно запомнил цифры, то половину своей первой лейтенантской зарплаты Рома сегодня оставит именно в этом заведении.

Я откинулся на спинку дивана и еще раз осмотрел зал. Да уж...

Практически всем без исключения было очень интересно понаблюдать за мной и моим спутником. Кто-то делал это открыто, буквально по сантиметру изучая наши персоны. Другие кидали взгляды украдкой, делая вид, что заняты исключительно своими проблемами, и от этого ещё откровеннее демонстрируя свой интерес.

– Зачем мы сюда пришли? – спросил я у Сечкина в лоб. Мой спутник явно не производил впечатление идиота, поэтому не мог не понимать, какую реакцию вызовет его появление. – И кто тот горячий юноша, что повстречался нам на входе?

– Мы пришли покушать, – протяжно нараспев начал было Роман, но уткнувшись в мой раздраженный взгляд, рассмеялся и стал говорить быстрее. – А Цыпа... Скажем так, Цыпа уверен, что я чудовище и безжалостный убийца, которому не место в приличном обществе. Его папаша давно мечтает насолить моему, так что сыночек просто решил повыпендриваться...

– Слушай, – разозлился я. – А ты никогда не пробовал говорить серьезно? Без всех вот этих твоих шуточек и ухмылочек? Может быть, если ты позвал меня на разговор, можно отложить эти ужимки в сторону и поговорить серьезно?

– А если я не умею? – продолжал улыбаться Сечкин. Вот честное слово, в какой-то момент желание расквасить ему нос перевесит все мои принципы и старания выглядеть приличным мальчиком. Видимо, жажда крови все-таки отразилась в моих глазах, потому что Рома попытался стереть с лица улыбку и попытался

говорить серьезным тоном.

– Ладно, ладно. Все гораздо проще. Этот ресторан принадлежит семье Долчановых. Я больше, чем уверен, что Эдику сообщат о моем появлении и он не удержится от того, чтобы лично высказать мне своё неудовольствие. А с ним наверняка появится Павлик. Вот он то нам и нужен.

– Ситуация, как в одном старом анекдоте, – пожал я плечами, наблюдая за тем, как официант выставляет перед нами напитки. – Вот ты сейчас совсем не уточнил. Кто такой Эдик и соответственно, кто такой Павлик?

– Эдик – это старший сын старика Долчанова, – Роман задумчиво переводил взгляд с бутылки минералки на чашку кофе, потом, видимо, все-таки сделал выбор, отодвинув воду и вооружившись чайной ложечкой. – Он у нас проходит по категории вечно обиженных. Старший сын, как никак, а Даром судьба обделила. Так-то он и умный, и красивый, а способностей нет. Совсем!

– Ты так улыбаешься, как будто тебе этот факт доставляет особенное удовольствие, – заметил я, беря свою чашку с кофе. Блин, надо признать, что теперь я понимаю, почему он стоит здесь так дорого. Один только доносящийся до моих ноздрей запах можно было отнести к категории бесподобных. Вкус напитка оказался под стать аромату, поэтому я едва не прослушал то, что ответил мне Рома.

– Был бы у него Дар, то он наверняка стал бы такой же сволочью, как его отец, – неожиданно жестко ответил Сечкин. – А так ничего, иногда с ним даже можно находиться в одной компании. Поэтому Папа и подарил ему этот ресторан, чтобы Эдик хоть как-то мог реализоваться в этой жизни. А вот его младший брат Павлик Дар получил. К сожалению, подарив способность лечить, природа забыла вручить ему хотя бы чуть-чуть мозгов и сострадания. Я уверен, что все твои трупы – это его рук дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pryadeev_evgeniy/lyumpen

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)